МАЛАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

АНТОН САВЕНКОВ

ОПАЛЬНЫЙ ОТРОК

PHOTOS BY ANDREY G AKA DONUT190

МАЛАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

АНТОН САВЕНКОВ

ОПАЛЬНЫЙ ОТРОК

ПОВЕСТЬ
О НЕДОЛГОЙ
ЖИЗНИ
ЦАРЕВИЧА
ДИМИТРИЯ

МОСКВА
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1993

ББК 84Р1
С12

Художник
Н. БОЧАРОВА
Серийное оформление
Т. САФАЕВА

С 4803010201—244
М101(03)-93 196—92

ISBN 5—08—003215—4

© А. Савенков. Текст, словарь устаревших слов, 1993
© Н. Бочарова. Иллюстрации, 1993
© Т. Сафаев. Серийное оформление, 1993

...Всякому знаменитому историческому лицу приписывается обыкновенно лишнее как в хорошем, так и в дурном отношении, но из этого лишка мы не заключаем, что известное историческое лицо не сделало ничего хорошего или ничего дурного.

С. М. Соловьев

Этой вести ждали на Москве давно — кто непритворно горюя и сожалея, кто с тайной радостью или надеждой на избавление. И — дождались.

В стылый, не по-весеннему снежный мартовский день великий государь — царь и великий же князь,— всея Руси самодержец Иоанн Васильевич, прозванный за крутой и жестокий нрав Грозным, скончался. Смерть словно бы отомстила ему за злодейства, свершенные при жизни: до последнего дня страшная болезнь люто мучила царя. В краткие часы облегчения Грозный, пытаясь забыться, принимался рассматривать скопленные в казне сокровища, пересыпал непослушными руками драгоценные каменья, скатный жемчуг, пробовал надеть на отяжелевшую седую голову золотой шелом, в котором когда-то в молодые годы ходил с войском отбивать у татар Казань.

Однако ни богатства, коим не было счета, ни воспоминания о минувших ратных делах не могли отвлечь Иоанна Васильевича от главной думы, неотвязно томившей душу. Боль, причиняемая ею, казалась куда сильнее, нежели приступы грызущей одряхлевшее тело хвори.

Последний государь из древнейшего Рюрикова рода, умирая, не оставлял Руси достойного и умного наследника! Почему так вышло? В чем тому причина?

Тяжело дыша, Грозный начинал доискиваться до сути. Молча перебирал в памяти всех семерых своих жен, взятых им в царицы. Любил ли какую сердцем, по-человечески, без помышлений о выгодах и низких страстях? Пожалуй, лишь первую, Анастасию... Она и родила властителю двух сыновей, Иоанна и Феодора.

Жить бы да жить Иоанну Иоанновичу! Подрос, окреп, женился, стал смелеть, перечить отцу — давала знать себя родная кровь. Ее и пролил царь, в припадке нестерпимого гнева насмерть ударивший строптивого сына тяжелым посохом...

А Феодор... Полно, его ли это сын? Лицом, статью схож будто две капли воды. Умом же, волей, речью, доживши до двадцати семи лет,— словно малое дитя. Не желая ведать никаких государственных забот, ходит в церковь молиться по три раза на день, а между молитвами пенис монахов слушает или с шутами забавляется. Кабы не боярин Годунов, взявший на себя надзор за неотложными делами царевича, то не решиться бы им вовек. Какой из Феодора царь? Хотя по всему выходит — править придется ему...

Младший, Димитрий... Одному Богу ведом путь, предпосланный трехлетнему отроку, сыну Марии Нагой, седьмой и теперь уж, верно, последней супруги Иоанна Васильевича.

Вот и весь корень Иоаннов. Первое чадо годами зрело, да проку от него не дождаться, второму еще расти, а более у царя на белом свете никого. Что ж дальше-то будет?!

Судорога железной рукой схватывала Грозного за горло — он начинал задыхаться. С каждым разом все труднее удавалось лекарям вернуть властителя к жизни, и наконец настал миг, когда глаза изнемогшего от боли и сердечных мук царя сомкнулись навеки.

* * *

Многие дивились: не ждут ли, откуда ни возьмись, вражеского нашествия? А может, не в добрый час вспыхнул в окрестностях столицы бунт?

И верно, было отчего москвичам взволноваться. День и ночь напролет расхаживали по московским улицам стрелецкие отряды — немалым числом, при оружии. Ратники смотрели сурово, когда темнело — принимались разгонять задержавшихся прохожих по домам. На каждом перекрестке жгли костры, вокруг которых, притопывая на морозе валенками, грелись караульные. А на самые большие городские площади были выставлены готовые к бою пушки...

Меньше всего понимал истинную причину этого внезапно возникшего беспокойства тот, ради кого затеяли невиданные прежде меры предосторожности. Маленький темноголовый мальчик, смотревшийся младше трех своих несровнявшихся лет, спокойно сидел на руках дородного вельможи. Он сосредоточенно, не обращая ни на кого внимания, ел большой, облитый розовым сахаром тульский пряник. Сладкие крошки

сыпались на бархатную синюю шубку, а шапка, отороченная дорогим собольим мехом, съехала почти на самые глаза.

Не удивляли мальчика с пряником ни белокаменные, крытые заморской узорчатой черепицей палаты Кремлевского дворца, ни богатые одеяния толпившихся поблизости, ни сам двор перед Красным крыльцом, куда простой люд пускали лишь изредка, по большим праздникам. Он просто привык ко всему этому, виденному уж не раз.

Но так ему лишь казалось. Подобное приходилось переживать впервые не только мальчику, но и его матери, деду и дядьям. К тому же он просто успел позабыть услышанное поутру, когда пришли и объявили: надобно собираться и ехать в город Углич.

Углич? О нем мальчик слыхал немного. Иногда лишь поминали при случае, что город этот дан ему покойным отцом в подарок, в удел. Но разве может радовать подарок, который ни примерить нельзя, как новую шубку, ни покатать во дворе, точно мячик кожаный? А ежели поднесут сладких волошских орешков, рязанских яблок мороженых или вот пряников — подаренье будет хоть куда!

Справа от Красного крыльца, от ворот, послышались хлопанье кнута и лошадиное ржание. Тотчас же двойная цепь стрельцов, наряженных в малинового сукна кафтаны, раздалась в стороны, и сквозь плотное кольцо стражи, неусыпно караулившей Кремль, стали въезжать на подворье сани. Их было много, более десятка. Впереди с парой резвых саврасых коней в упряжи катил небольшой деревянный возок с плотно занавешенными изнутри окнами. Возница в овчинном тулупе с высоко поднятым воротом направил жеребцов прямо к ступеням крыльца, без остереженья тесня собравшихся, хоть и было среди них немало людей начальных и даже бояр. Те расступались без слов, разумея — так надобно.

Не успел санный обоз долгой вереницей втянуться за кремлевские стены, как, обгоняя его, взметнув копытами комья слежавшегося снега, прискакала сотня верховых. Осадили разгоряченных скакунов чуть поодаль, не доезжая до дворцового входа. Спешился и подошел к остановившемуся возку только один, по виду — главный. Остальные всадники наземь не слезали, сидели молча, позвякивая ножнами сабель о стремена.

Не замеченные никем, на верхнем сходе, ведущем к

крыльцу, надежно прикрытые каменным выступом от взглядов снизу, появились двое. Постояли, не говоря ни слова, наблюдая за происходящим у дворца. Первым заговорил полноватый, с ястребиным носом на бледном лице человек, зябко кутавшийся в огромную длинополую бобровую шубу:

— Не могу я... Худо на душе, шурин... Может, и не надо Митю с Марьей из Москвы слать, а? Вместе-то лучше жить... Тихо, мирно, по-родственному. А?..

— И я о том же мыслю, великий государь,— с нажимом на последние слова произнес его собеседник, слегка поклонившись.— Именно по-родственному и мирно, дабы в нерушимой целости сохранить спокойствие и здравие сводного братца вашего, следует принять все меры к обережению. Не в нем ведь дело. Прикрывшись именем дитяти, ищут выгоду для себя взрослые мужи. Взять хоть дядьев царевича... Кто слово даст, государь, что, оставивши Марию с отцом и братьями в столице, не отправишься ты сам подале короткое время спустя под стражею? Только не в удел свой родовой, а в монастырь, да поглуше, чужие грехи замаливать. Ведь Бельские с Нагими, о поживе вокруг престола помышляя, не пощадят и Ирину...

Едва послышалось имя Ирины, как тот, кого почтительно именовали великим государем, весь вскинулся. Глаза его, доселе мутные и скорбные, вспыхнули и стали смотреть пронзительно.

— Отчего Ирину?! Нет, нет, боярин! Не дозволю! Ты ведаешь их преступные замыслы лучше меня, Борис, вижу, вижу...

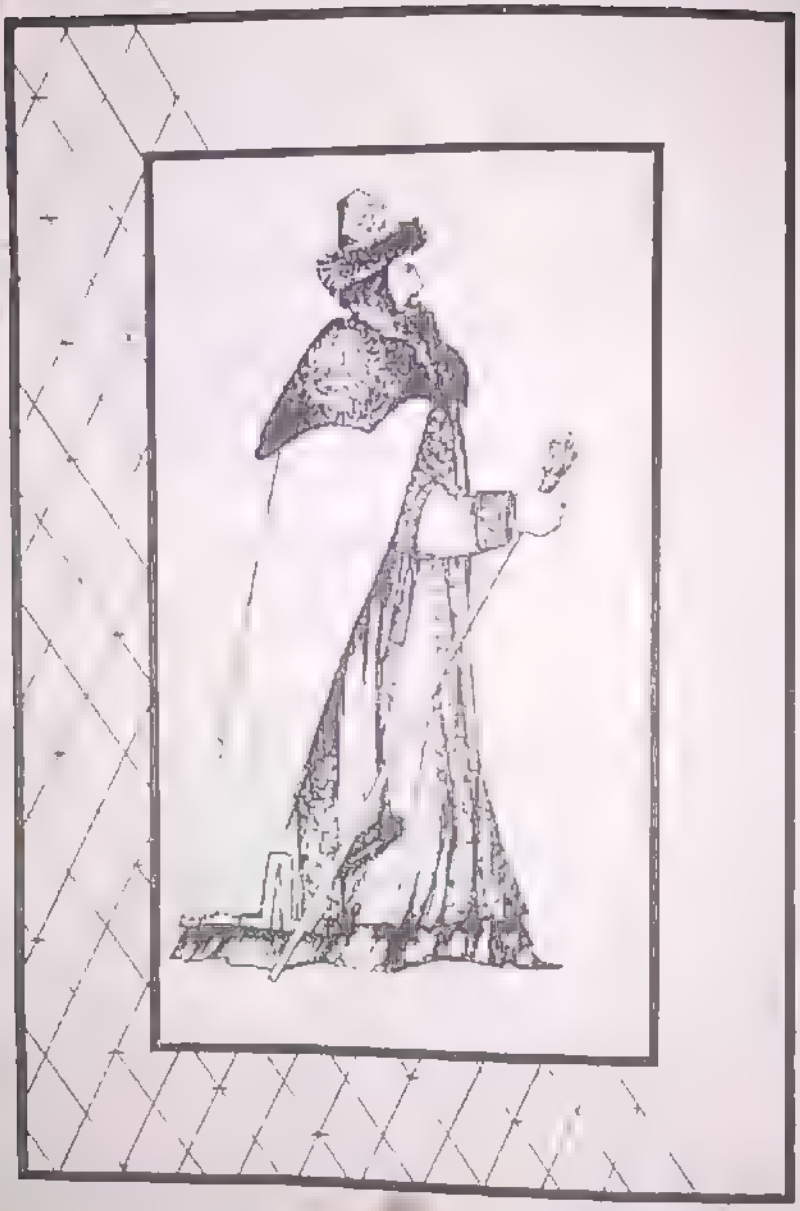
Потом опять сник, закручинился:

— Ну почто так? Брат на брата, не по-христиански...

Званный Борисом еще раз внимательно поглядел вниз, где толпились люди, и сказал твердо:

— Им в Угличе быть лучше и покойней. Да и разве ж отсылаем Димитрия навечно? Я разумею: поуляжется смута, утвердим правление законное, посадим тебя на царство — можно будет и воротить. Пусть тогда в Москве живут. А теперь, надежа-государь, надобно обоз отправлять. Время приспело — пора.

— Да, да, непременно воротим их! И побыстрее, хоть осенью, а? — сразу посветлел лицом человек в бобровой шубе, с радостью отбросивший гнетущие, тягостные раздумья.—



Так вот и ладно станет... Послушай, Борис, любезный мой, мне будто неможется — слаб я нынче. Ступай, проводи их один, попрощайся поласковей. Да скажи, мол, Феодор кланяется земно, прощенья просит — пошел о здравии рабов Божиих Димитрия с Марией обедню служить. Не один пошел, с женою, Иринушкой...

Склонившись перед торопливо ушедшим Феодором, боярин не без усмешки подумал, что именем жены можно заставить царевича пойти на какое угодно решение. Любит супругу без памяти, точно юный отрок. И слушается едва ли не беспрекословно, шагу не сделает, с Ириной не посовещавшись. Ну а та тоже без добрых советов не обходится... И разумеется, в первую голову приходит к брату мыслями поделиться. А тут уж никуда не деться, вот он брат — боярин Борис! «Скажу сестрице Ирине теперь же вечером: надобно Феодора от размышлений о Димитрии Иоанновиче отвлечь, пусть медвежьей охотой позабавится, что ли».

Подумав так, боярин направился к широкой лестнице, ведущей на двор. А там уж не было прежнего выжидательного спокойствия — внезапно поднявшиеся крики и гомон тревожно реяли в воздухе.

Два важных седобородых старика в собольих шапках с покрасневшими от напряжения лицами вели под руки — даже почти тащили — молодую, богато одетую женщину, уговаривая при этом ее не упрямиться. Та в ответ причитала, упираясь, громко отвечала что-то несвязное. Позади несколько доверенных дьяков несли малые ларцы и сундучки, почтительно оберегая их содержимое, явно дорогой цены, от каких-либо случайностей.

С превеликим трудом подведенная к тому самому возку у Красного крыльца, женщина, вырываясь от сопровождавших, села прямо на снег.

— Нет моей воли ехать! — прокричала с надсадой в голосе.— Знаю — на погибель услать хотите! Не довезут, в дороге живота лишат! Знаю!

— Остепенись, боярыня, несуразное молвишь. Разве ссылают эдак-то — со чадами, домочадцами, слугами? Обоз целый... Достояние вон, сокровища твои здесь, отвезут под стражей, в сохранности... Уймись, боярыня,— уговаривали вконец притомившиеся царедворцы.

— Я вам, холопам, не боярыня — царица! Наследнику

престола Руси мать! Забыли, как при живом муже моем в ноги падали?! Пождите, взрастет Димитрий!..

Мальчик, сидевший на чужих руках, встрепенулся, услыхав свое имя. Пряник выпал из его руки и отлетел прочь, оказавшись у самых сапог стоявшего неподалеку стрельца.

— Матушка, матушка! — заэвенел над площадью, отпрыгивая от стен, ребячий голосок.

— Митюшка... — Голос женщины враз будто потерял силу, упав до усталого шепота.— Родимый мой... — И потом, облизнув пересохшие губы, тихо попросила: — Дай мне его... Сына дай...

Дородный вельможа, чьи руки держали царевича, нерешительно посмотрел в сторону расположившихся неподалеку бояр и дворян. Те прятали глаза, отворачивались молча, сухо покашливая в кулаки, топтались на хрустком снегу.

Затем, взглянув на Марию еще раз, он решительно нагнулся и отпустил мальчика.

Чуть не расплакавшись поначалу, тот побежал неловко, то и дело запутываясь валенками за полы синей шубки, едва не падая от стремления скорее коснуться самого дорогого и родного на свете...

Мать и сын, прильнув друг к другу, замерли молча, не говоря ни слова. Только мальчик всхлипывал слабенько, спрятав лицо в складках материнской одежды.

И снова никто из присутствующих не решился препятствовать той, чья судьба, в одночасье переменившись, оказалась столь нежданно бесповоротной.

Женщина внезапно, все так же молча, выпрямилась. Нечто похожее на гордость показалось в ее облике. Смахнула холодной ладонью слезы на детском лице, тихо молвила: «Идем».

Облегченный вздох послышался из множества ртов: вдова Иоанна, седьмая жена Грозного, Мария из рода Нагих, сама, без понуждения на сей раз, села в приготовленный для отъезда возок. Сын, Димитрий Иоаннович, был с ней.

Обрадованные дьяки — те, кому доверили драгоценности опальной царицы,— довольно зашептались и торопливо, с поклонами стали сквозь открытую дверцу возка ставить ларцы и сундучки внутрь...

— Борис Феодорович пожаловал!

— Глянь, глянь, боярин Годунов, любимец царский...

— Кланяйся ниже, не переломишься — он теперь в силе.

— Да, теперь, видать, годуновский верх однозначно. Государю Борис правая рука!

— Ну, дождались, стало быть. Коли Годунов явился, значит, перемены прежнему решенью не выйдет. Сошлют Нагих.

— А как ино? С часу на час бунта жди! Пусть уж едут от греха подальше. Спокойствие Москвы дороже.

— Верно молвишь. Многия лета Борису Феодоровичу!

— Живи и здравствуй, боярин!

Твердо ступая по лестнице Красного крыльца, сошел вниз среднего роста человек, темноволосый, с зоркими карими глазами на смуглом спокойном лице, которое украшала небольшая, с легкой проседью борода,— тот, что давеча разговаривал с Феодором Иоанновичем. Одет он был много скромнее прочих, в неяркие, темные одежды, и лишь усыпанный самоцветными каменьями резной посох в правой руке, пожалованный некогда ему самим Грозным, указывал истинное положение хозяина при царском дворе. Годунов вежливо, не пропуская никого, отвечал на низкие поклоны и подобострастные приветствия.

Подойдя к распахнутой дверце возка, Борис Феодорович в свою очередь поклонился в пояс сидящим там.

— Здорова ли ты, государыня-царица? Не терпит ли в чем нужды Димитрий Иоаннович? Скажи только!

Не дождавшись ответа, боярин шагнул ближе, подскочившему слуге отдал посох, а сам достал из-за пазухи некрупный бархатный узелок.

— Возьми вот, матушка, царевичу-надеже. Потешка занятная, аглицкая, из-за моря от тамошней королевы присланная. Будет чем в дороге утешиться.

Боярские руки развернули тряпицу. Показалась замысловато украшенная деревянная фигурка воина. В лучах неяркого утреннего солнца багряно блеснули кукольные оловянные доспехи, и особенно жарко — привешенный сбоку меч величиной с небольшой ножик, сделанный из настоящей стали.

Внутри игрушки вдруг зазвенела пружинка, наигрывая тягучую замысловатую мелодию, и Димитрий, позабыв про непросохшие слезы, невольно потянулся к забавной фигурке.

Мария вздрогнула и, перехватив нежданный подарок, отбросила его в снег.

— Изыди прочь, ирод, кровь басурманская,— проговорила

Ужо, обжигая ненавидящим взором Годунова.— Доволен? Празднуешь? Погоди, отольются тебе слезы души невинной! Вспомнишь их, горько вспомнишь, Борис!

Криво усмехнувшись в бороду, Борис Феодорович нагнулся и поднял живулю. Стряхнув с нее снег, положил туда, где уже лежали ларцы и сундучки, к ногам сына и матери. Кивнул на Димитрия:

— Вели, царица, покрепче сына укутать. Путь дальний, не простыл бы в дороге... Не ровен час... Ему еще жить и жить.

Потом выпрямился, холодно посмотрел вокруг и решительно махнул рукой, словно отсекая прошедшее от настоящего:

— Трогайте!

Птицей взлетел в седло начальный конной стражи, свистнул молодецки. Захрапели лошади, понукаемые всадниками. Окружив возки и сани обоза, верховые двинулись к воротам Фроловской[1] башни.

Сидевший на облучке возка, где находились царица с царевичем, вздохнул, сняв шапку, перекрестился на главы кремлевских церквей и, хлопнув кнутом, дернул вожжи.

А выехав из Кремля, миновав Пожарную площадь[2] с Покровским собором, обоз двинулся по Ярославской дороге, по которой днем раньше отправились в Углич отец царицы Марии — Федор Нагой и братья — Михайло, Григорий и Андрей.

Царедворцы и слуги, насмотревшись на отъезд досыта, разбрелись кто куда, обсуждая увиденное. Стрелецкие ряды поредели — остались лишь необходимые караулы.

Галочьи стаи, встревоженные было поднявшимся шумом, вновь рассаживались на крыши дворцовых теремов. На колокольни взбирались звонари — подоспела пора звонить к поздней обедне.

На опустевшем дворе, среди множества следов от сапог и санных полозьев, между раскиданных на снегу клочков сена, одиноко розовел растоптанный кем-то в спешке пряник...

Пушки на перекрестках, поставленные для устрашения, едва-таки не пригодились. Нашлось немало несогласных с отсылом Димитрия из столицы, и прежде всего среди тех, кто

---

[1] В то время Фроловской звалась Спасская башня Кремля.

[2] Название Красной площадь получит позднее; тогда же ее именовали Пожарной или же просто Пожаром.

шался с окольничим Богданом Бельским, человеком хитрым и беспокойным, бывшим некоторое время воспитателем — дядькой маленького царевича. Кого, как не младшего сына Иоанна Грозного, желать ему в русские цари? И тогда уж Бельскому у престола место бы нашлось.

Только на сей раз Богдан Яковлевич перехитрил самого себя. Желая возврата в стольный град Димитрия и родных его, Бельский, как сказывали, принялся чернить перед москвичами многих видных вельмож... И не подумал при том, что можно и на него самого возвести напраслину. Загуляли по Москве разговоры, слухи, пересуды: желает-де Богдан править государством самовластно, задумал для того умертвить Феодора Иоанновича с женой да, кроме того, многих из царедворцев родовитых.

Таких, особо отличенных покойным государем Иоанном Васильевичем за верную службу или за родство с царем, знал на Москве, почитай, каждый. Престарелого боярина Никиту Романовича Захарьина-Юрьева, дядю Феодора Иоанновича, уважали за широту души и незлобивость. Гордился своим древним родом сын двоюродной сестры Грозного князь Иван Феодорович Мстиславский. Со стороны посматривал на дворцовые дела глава семейства бояр Шуйских князь Иван Петрович, храбрый и умный воевода, оборонивший от врагов Псков, особенно почитаемый столичными жителями. Не отставал от него и родич, Василий Иванович, льстивый хитрец, таивший на уме далеко идущие планы.

Всех их, сплотившихся вокруг пока пустовавшего престола, Нагие, родня царицы Марии, тревожили более всего. И потому едва главный сторонник маленького царевича попытался заступиться за опальное семейство, как тут же, опережая Богдана Яковлевича, в народ пустили совсем иные слухи...

Москвичи, среди которых нашлось немало сведущих в ратном деле, и подоспевшие тут же рязанцы поднялись, встревоженные, очень быстро. Толпы народа, вооружаясь чем попало, прихлынули к Кремлю — спасать от гибели Феодора Иоанновича и добывать из-за стен укрывшегося Бельского, на расправу.

Правители, не чаявшие беды, едва успели затвориться в Кремле, опасаясь впустить ко дворцу разбушевавшихся не на шутку жителей столицы. А разгоряченный люд числом во много тысяч душ подступил к запертым воротам Фроловской

башни и, подбадривая себя криками, принялся их разбивать.

Борис Феодорович, поддерживая ослабевшего от ужаса Феодора, посоветовал не медлить: «Коли сюда ворвутся, виновен, нет ли, разбирать не станут, головы поснимают всем, кто на пути окажется. Надобно тотчас выслать к ним кого половчее, поречистее. Уговорить!»

За собственные жизни опасались все, и оттого долго искать охотников вести переговоры не пришлось. За крепостные стены отправились бояре Иван Федорович Мстиславский, Никита Романович Захарьин-Юрьев и два известных сообразительностью и проныростом дьяка — братья Щелкаловы. Толпа, завидя послов, потребовала выдать изменника Бельского на суд народный. Спорили долго и громко. Однако, постепенно поддаваясь на уговоры, взбунтовавшиеся остывали. Убедившись в целости и невредимости Федора и прочих, москвичи согласились на высылку Бельского из столицы. В тот же день Богдан Яковлевич отправился в Нижний Новгород воеводой.

— А не лучше ли было выдать людишкам спесивца этого? — спросил у Бориса Семен Годунов, глядя сквозь бойницу кремлевской стены, как разбредались с Пожарной площади последние кучки бунтовщиков. — Я чаю, от него мертвого пользы поболее, чем от живого.

Борис Феодорович посмотрел на родича с презрительной укоризной:

— Семен, Семен... Неможе Федору Иоанновичу, законному — наследному и единственному! — правителю Руси, воцарение через пролитую кровь начинать. Ее бы накрепко запомнили. Да и того хуже статься могло: не севши на престол, уж уступил властитель черным людишкам. Закричали, принудили — поддался! Ан нет, надобно и волкам сытым быть, и овцам целыми. Вот и вышло, народишко доволен и мы свою волю показали. Заодно и Богдашку спровадили.

Ошибки в рассуждениях Годунова не оказалось. Народ почувствовав «волю» и «терпимость» Федора, более не сомневался в основательности его притязаний на трон. Старшего сына Грозного стали настойчиво просить принять царский венец. Именитейшие люди — митрополит, архиепископы, епископы и все дворянство, съехавшиеся в начале мая на Земский собор обсудить столь важный вопрос, — почти что в один голос повторяли это пожелание. Тем не менее, довольный достигну-

тым, Борис решил наглядно подтвердить и доказать всем верность подобного выбора. Коронование нового государя обставили с пышностью, доселе неслыханной и невиданной.

Присутствовавшие на торжестве 31 мая 1584 года вспоминали о нем долго, состязаясь друг с другом в количестве подмеченных подробностей. Вспоминали царский выход из дворца в Успенский собор, причем более всего восхищались не Федором, казавшимся неувереннее и утомленнее обычного, а Годуновым. На сей раз государев шурин решил не чиниться и показать себя в подобающем высокому положению ближайшей родни властителя блеске. Одежда Бориса Федоровича слепила взоры, переливаясь многоцветьем алмазов, изумрудов, яхонтов, жемчуга и золотого шитья. Не меньше ослепляли и великий почет, оказанный боярину, доверение нести особую святыню престола — царский скипетр. В Благовещенском же соборе во время коронации и в иных местах, которые посетил в тот день новый царь всея Руси, Годунов неизменно стоял по правую руку правителя, ближе всех.

Не позабыл Борис Феодорович и родную сестру, заставив отдать ей немыслимые ранее почести. Сидевшую в своих палатах перед распахнутым окном царицу Ирину — в короне и парадном платье — должны были славить и приветствовать, пожалуй, не меньше, чем супруга. Желая утвердить ее раз и навсегда в положении особы, во всем равной государю, Годунов решился даже на небывалое: назначил для нее особую свиту из знатных боярынь и телохранителей, большую и пышную.

Недовольных торжествами — за исключением тех, кто это тщательно скрывал,— не замечалось. Сколь роскошным стало восшествие нового царя на престол, столь же щедрыми стали и дарованные всем подданным милости и льготы. Уменьшались налоги, освобождались заключенные и военнопленные, наиболее преданные вельможи удостоились боярского сана... Не прекращаясь, целую неделю по Москве, начиная с дворца и кончая улицами, шли бесконечные обильные пиры и гуляния как для простого люда, так и для высшей знати и духовенства. Впрочем, только слепой не видел — все это, вместе взятое, едва ли стоило наград, пожалованных благодарным Федором Годунову.

Получалось несомненно и явно — не Ирина, а Борис садился рядом с государем на трон. Но даже дарованные ему ниту-

...лы, дававшие необычайную власть — ближнего великого боярина и конюшего,— меркли перед правами на них с чем несравнимое богатство, получаемое Годуновым, отныне становившимся наместником царств Казанского и Астраханского, обладателем доходов с областей Двинской и Важской, с городов Рязани и Твери, а также столичных бань, лугов и пасек на Москве-реке и многого, многого другого. Состояние позволяло Борису Феодоровичу снарядить за свой счет стотысячную рать!

Торжества в честь воцарения венчал большой военный праздник в окрестностях Москвы. В разгар потехи, когда воины состязались друг с другом в удали и ловкости, к разгоряченному зрелищем Борису Феодоровичу незаметно подобрался прискакавший из города слуга. Протолкавшись сквозь окружавших боярина льстецов и просителей, поклонился коротко, придвинувшись к хозяину вплотную:

— Приказ твой исполнен, господине... Те сведущие людишки, что сыскать велел, найдены и на двор к нам привезены.

— Ну-у?! — всколыхнулся Годунов, улыбнувшись довольно.— Коли так, спасибо, Епифан! За весть добрую отблагодарю по чести!

— Рад, что угодил, господине,— ответил слуга и, покосившись по сторонам, понизил голос: — Только не прогневайся... Сказывали они, де узнать желаемое тобой можно лишь сегодня до заката. Мол, явное открывается им лишь в ночь с пятницы на субботу, а в иное время будущее всякому взору сокрыто...

— Что ж,— помолчав, молвил помрачневший Годунов,— пусть так. Придется, видно, покориться... Семен! — кликнул он мгновение спустя брата.— Передай царю-батюшке, оказались-де у Бориса дела неотложные, государственные. Оттого не простясь в столицу отбыл. Просил не гневаться и повинную принять, доложит после...

И заклубилась над столбовой дорогой пыль, поднятая копытами резвых скакунов из конюшни царского шурина.

В подвалы сложенного из белого камня просторного годуновского дома попадали не сразу — надобно было пересчитать ногами не один ряд ступеней и пройти многими завитками и тупиками... Даже хозяин, случалось, плутался в том замысловатом лабиринте, устроенном словно для того, чтобы до

бираться до просторного подполья могли лишь очень немногие.

Миновав несколько пустых подклетей, Борис Феодорович — он пришел один,— заперев за собой ведущий в подвалы лаз, освещая дорогу захваченным светильником, нашел наконец окованную железными полосами дверь. Позвенев засовом, отодвинул щеколду. Ступил внутрь...

Вокруг жаровни с мерцающими в полутьме угольками расположились люди. Двое мужиков теснили друг друга на узкой скамье, а третья, женщина, уселась прямо на земляном полу. Зловещие сполохи пламени, змеившиеся по углам, смешивались с отсветами заходящего солнца, проникающими сквозь зарешеченное подвальное окошечко, отчего сырые кирпичные стены казались раскаленными докрасна, словно в печи.

Молча, не отвечая на глубокие поклоны завидевших его гостей, Годунов пристально рассматривал их. Позеленевший от старости плешивый старичонка в поношенном, с чужого плеча купеческом кафтане; мужик помоложе, в рубище из мешковины, перепоясанный веревкой, с волосами до пояса, заплетенными в четыре косицы, и горбатая бабка, сморщенная, точно печеное яблоко.

«Хороши, нечего сказать...» — подумалось боярину.

— Накормлены, вижу,— отрывисто произнес он, видя несколько опустевших мисок с остатками еды.— То ладно... Откуда будете?

— Мы, отец-боярин, с Печоры, из холодных земель,— тоненьким голоском ответствовал старичок, показав на себя и товарища своего.— Баба вот — не ведаем...

— Тверская я, государь... Варварой нарекли... — протянула бабка, без робости, испытующе глядя в глаза Годунову.

— Варварой... Перекрестись, убогая, — насмешливо бросил хозяин в ответ.— Государь на Москве один — светлейший Феодор Иоаннович.

— Как знать, как знать...— все так же протяжно произнесла женщина.

— Будет! Довольно!

После резкого окрика Бориса Феодоровича долго никто не решался заговорить. Первым не выдержал все же старик:

— Не гневайся, отец-боярин. Ведомо нам многое, и оттого не всегда лестное для чужих ушей доводим. Но все зато по правде... Зазря ведь ты нас не стал бы издалека призы-

вать — видно, нужда приспела. Так прикажешь, может, поведать о прошлом, что пережить довелось тебе и родным твоим, иль настоящем, а то велишь в будущее глянуть?

— Что в прошлом осталось — знаю, про теперешнюю жизнь — любой на Москве мальчишка расскажет. Вот коли бы завтрашний день приоткрыть...— успокаиваясь, молвил Годунов.— На чем же гадать станете?

Мужики переглянулись.

— Не гадаем, боярин,— ворожим. Гадают девки по деревням, о женихах больше... Мастерство, коим владеем, от волхвов, с древности. Терзали и изводили нас за худые предсказанья нещадно, да вот не убили! И тебе, коне первому человеку на Руси, мы понадобились...

Борис Феодорович присел на скамью, поставил рядом светильник.

— Не бойтесь, обиды не учиню, отпущу с честью. Каждому по кошельку серебра. Одного только требую: истины без сокрытия. Худой ли, доброй — едино.

Гости снова переглянулись. Затем старичок согласно кивнул и опустился на колени. Вслед за ним очутились на полу остальные.

- Вот спросил ты: чем предсказывать будем? Тут надобно знать, на что ворожить На любовь ли, богачество, славу — всему свое волхование есть. .

– А вот спрошу иное — не солжете? — пересохшим голосом, мучаясь опасением, спросил Годунов.— Знаю — то несбыточно, а просто силу вашу испытать хочу. — И, собравшись с духом, высказал заветное: – Смог бы я, коли Бог даст, достичь трона царского, одеть шапку Мономахову?

На лицах ведунов не промелькнуло ни тени удивления или испуга, словно подобные просьбы выслушивали они по много раз.

— Этакое дело на воде или песке ворожить трудно. Попробовать разве на свечном огне? — сомневающимся голосом вопросил старик.— А ты, тверская, что скажешь?

— Не по моим то силам,— покачала головой бабка. Постой-ка, раскину вот крысиные косточки...— И полезла в котомку.

– Брось! — нахмурился боярин Борис.— Помнится, такие вот кости покойный государь Иоанн приказал своего любимца Басманова пытать люто.

— Крови надо,— вдруг глухо, медленно ворочая языком, произнес мужик в рубище. Говорил он трудно и веско, роняя слова, словно преодолевая врожденную немоту. — Кровь одна правду без обмана поведает, ей, жизнь всякой твари несущей, ложь чужда.— И, быстрым движением распустив заплетенные косы, откинул волосы со лба. Уставился на боярина не мигая.

Мрачные бездонные глаза ведуна обожгли Годунова, ослабили закаленную в борьбе и козних волю — Борис Федорович, дрогнув, повинуясь чему-то неведомому, согласно кивнул...

Почерневшие жилистые руки непонятно откуда извлекли глиняный узкогорлый кувшинчик, заткнутый деревянной пробкой. Еще миг — и рядом с жаровней легла невеликая, ладони в три, резная дощечка.

— Сядь напротив, человече. Молчи и внимай. Ты станешь повиноваться мне, яко отцу, не прекословя и не сомневаясь. Сердце твое, душа твоя, помыслы твои открыты ведовству моему. Истина, потаенная в глубине предстоящего, да явится нам! Зри!

— Зрю,— почти простонал Годунов, оседая на пол под внезапно навалившейся ему на плечи неодолимой тяжестью.

Повинуясь приказу предсказателя, он протянул вперед сложенные горстью ладони. Туда, влажно отблескивая в свете тлеющих углей, полилась из кувшина тонкой струйкой старая свернувшаяся кровь, липкая, холодная, почти обесцветившаяся.

Затем, сложив кисти рук крестом, ведун прикрыл ими ложу, с трудом удерживаемую взволнованным Борисом в горсти.

— Сила единая, животворящая, тепло и свет дающая, яви нам скажи нам, не угаи от нас! — страстным, приглушенным до хрипоты голосом зашептал длинноволосый.

В его речь, постепенно убыстрявшуюся, все больше вплетались странные, не по-русски звучавшие слова отрывистые и гортанные. Вскоре нельзя было разобрать ничего.

Солнечный луч, пробивавшийся сквозь окошко подвала, истончал, поблек и наконец пропал вовсе.

Борису Федоровичу стало совсем невмоготу, но он держался, помня наказ ведуна. Поэтому он не сразу понял, что предсказатель судьбы его замолчал. Почувствовал только, что ладоням, где плескалась заветная влага, стало нестерпимого горячо.

— Будь силен, человече, не расплескай. Коли упустишь наземь хоть каплю — быть беде. Истина от тебя навеки сокроется, разумом помутишься. Теперь — гляди! — Ведун резко отвел руки от ладоней Годунова.

Мертвая бледность проступила на лике Бориса Феодоровича. Дыхание пресеклось и застряло глубоким вдохом где-то в груди.

В холеной боярской горсти пузырилась алая, отдающая живым теплом свежая кровь.

Пораженный свершившимся чудом, Годунов окончательно поверил, что тайна — рядом, вот-вот приоткроется, и с трепетом ждал продолжения.

Утерев обильно выступивший на челе пот, мужик взял дощечку и показал боярину.

Искусный резчик поделил ее на три части. В нижней, самой потемневшей, виднелась плывущая в морских глубинах рыбица; на средней, посветлее, вздымал лапы бегущий лесом волк; верхнюю долю украшал ширококрылый орел, паривший над облаками против солнца. Совсем нетронутой, новой казалась эта третья часть.

— Не тварью морской — ей низ, глубина, не тварью земной — ей твердь, середина, а тварью небесной — ей сиянье, высота даны — волховать будем! — выкрикнул предсказатель и, положив дощечку перед Годуновым, ударил Бориса Феодоровича по наполненной горсти.

Кровавые брызги метнулись по сторонам, окропив лицо боярина, зашипев в жаровне...

— Все и открылось, отец-боярин,— устало молвил мужик, встал, отряхнул комочки земли с колен и вновь стал заплетать волосы.— Истинно и неоспоримо — будешь ты царем московским. Не ведаю когда, а будешь ..

— Ну-ко, — присунулся ближе молчавший все это время старичок,— дай гляну.

Он повертел перед глазами дощечку, ахнул тихонько и — ниц перед оглушенным всем происходящим Годуновым.

— Государь ты наш батюшка! Правду волхование явило — твоим престол станет! Правду! Вот только... Помилуй...

— Сказывай, сказывай, старче, и не бойся слов своих! — воскликнул в приливе нахлынувшей всепобеждающей радости Борис Феодорович.— Чего теперь страшиться? Все — пустое! Сказывай!

Старик помялся нерешительно, глянул на длинноволосого предсказателя. Тот снова взял доску и показал боярину:

— Не обессудь... Царем-то просидишь ты всего семь годов... Вот оно проступило.

На деревянной резьбе с орлом в небесах, в верхней части ведуновой дощечки, запеклись семь кровяных капелек. Семь, и ни единой больше.

— Так и есть. Не прогневайся, — кивнул головой старший волхователь.

— Вы что, рехнулись?! — вскричал Годунов и, проворно встав, бросился обнимать предсказателя. — Семь лет? Целых семь?! Счастье-то какое! Да хоть бы и семь дней! Уж я тогда... — Тут боярин осекся и, сызнова постаравшись принять степенный вид, добавил: — А в награде за предзнаменованье ваше я, видать, ошибся. По кошельку обещанному пожалую — верно. Только не серебра — золота червонного! Лишь бы сбылось, лишь бы сбылось...

— Нам наградою, государь наш батюшка, станет твое царствование, — твердо и ласково произнесла Варвара. — Примешь державу и скипетр — не позабудь про тех, кто предрек тебе их и тайну угаданную в нерушимой целости от чужих и враждебных твоей милости ушей сохранил...

* * *

Дни то текли неспешной чередой, то бежали стремглав, подгоняя зимы и весны, сменяя летнее тепло осенними дождями. Жизнь, отмеривая годы, шла вперед.

В Угличе, затерявшемся среди густо разросшихся садов, время, казалось, совсем замедлило свой бег. Жили там честно и покойно, с рассветом принимаясь за работу, спать же ложась рано. Прошли, канули в прошлое лихие столетья, когда приходилось городским крепостным стенам защищать подступы к славному Ростову-Великому от вражьих набегов, а угличанам — посылать дружину в подмогу русским ратям на поле Куликово.

Нынче — все по-иному. Жители, не сторожась особо — разрослось государство Российское во все стороны, — множили хозяйства, обрастали достатком. Стада на окольных выпасах прибавляли голов. Коли водилась скотина во множестве, зна-

чит, и кожевникам находилось дело: мяли кожу, везли на продажу. А разве бедна рыбой кормилица-Волга, на чьих крутых берегах и стоял город?

Зимой Углич казался еще тише и смиреее, словно силы накапливал, отдыхая, подобно спящему медведю, в ожидании грядущих теплых дней.

— Сколь уж времени миновало, как из Москвы выехали, а все не могу к этакому захолустью привыкнуть. Скучно! Словом не с кем перекинуться, одни купцы да монахи,— словно бы сама себе проговорила Мария Нагая.

Однако, кроме нее, лениво вышивавшей чуть ли не сотое полотенце, в просторной горнице старого Угличского дворца, сидя на полу, играли сын Димитрий и его нянька — мамка Волохова.

— И почету никакого,— все более раздражаясь, как бывало с ней почти ежедневно, продолжала Мария.— Верно сказывают: покуда лает собака — сидит во дворе, нет сил тявкать — взашей ее на улицу! А я ведь не голь перекатная, я вдовая царица! Да разве ж про то нынче помнят...

Дородная, статная Василиса Волохова проворно поднялась с пола, низко поклонилась:

— Уж прости за дерзость, матушка, а зря кручинишься изволишь! И помнят, и любят! В милости ты у государя нашего свет-Федора. Вот и давеча, в праздник, подарок-то он сделал — загляденье! Уж истинно меха с царского плеча, цены им нет...

— И мне к именинам, что в октябре, братец Феодор Иоаннович пирогов прислал. Аль забыли вы? — тихонько подал голос Димитрий. Расположившись на пестром бухарском ковре, поближе к узорчатой изразцовой печи, мальчик перебирал лежащие перед ним потешки.

Чего тут только не было — глаза разбегались! Но подросшего со времени отъезда из Москвы почти на пять лет царевича уже не радовали еще вчера занимательные меховые котята или зайчики, деревянные петушки и горшочки. Зато блестящие оловянные топорики, сабелька на чрезплечном ремешке, пушечки и пестро раскрашенные, лепленные из глины стрельцы занимали все больше места.

— Пироги...— горько усмехнулась вдова Иоанна, покачав головой.— Эх, Митя, Митя! Мал ты еще. Пирогом от тебя откупиться хотят, потому как знают: выйди дело по-иному

даже крошка с твоего — твоего! — царского стола многим за великую бы милость показалась...

Волохова завздыхала часто, словно бы сокрушаясь вместе с опальной царицей.

Поиграв еще немного, Димитрий вдруг вскочил и расшвырял сапожком выстроенных в ряд стрельцов.

— Ну их! Болваны глиняные! Один толще другого, ни руки, ни ноги не шевелятся... Дай, матушка, Борисову живулю Вот хороша-то! Воин, будто сейчас в поход тронется.

Мария отложила вышивание, внимательно посмотрела на царевича:

— Сыночек мой! Негоже тебе играть подареньем человека, лишившего нас всего, что было и быть могло. Не от сердца дар его...

— Ну и пусть не от сердца! А живуля все едино расчудесная, и не даривал мне никто, кроме Бориса, таких. Зачем прячете ее? Вели достать!

Мать Димитрия порывисто встала:

— Про ту потешку — забудь. И более не поминай

Пораженный непривычной жесткостью матери, мальчик, желавший было возразить, озадаченно умолк. Он, возможно, и расплакался бы от досады, но тут дверь внизу хлопнула и на лестнице, ведущей в палаты, застучали шаги. В сенях послышался знакомый веселый голос — пришедший раздевался

— Дядя Михайла! — воскликнул радостно Димитрий, любивший этого большого и шумного человека

— Явился наконец-то! — всплеснула руками Мария — Ну, братец! С утра не показывался! Где только пропадал?

— Запамятовала я, государыня, — озабоченно отозвалась Волохова.— Заигралась с чадушкой нашим — и забыла. Едва проснулись братцы-то ваши и даже не помолились отправились на Волгу, под берег.

— Зачем это?

— Ой, и смех и грех! Точно дети малые, вместе с мальчишками здешними снеговых баб лепить стали

— Врешь небось, бестия.

— Разрази меня Бог, государыня, правду говорю Пошли хоть проверить кого...

— Снеговых баб! Скажи ты...— вновь начала сердиться царица, расхаживая по горнице.— И впрямь разумом повредились, верно. Со скуки перебесившись...

Со скрипом распахнулась резная деревянная дверь, и на пороге появился один из братьев Марии — Михайла Нагой, румяный с мороза. Искорки льда сверкали в его густой бороде.

— Будет, будет! — закричал он весело, перебивая своим зычным басом упрек сестры.— Мы, мать, лучше тебя ведаем, что делать надобно. Прикажи лучше поднести с холоду чего покрепче, да закусить — вернее выйдет.

— Шли бы обедать — давно пора. Ждем ведь...

— Невелика важность — обед. Племянничка ради стараемся. Вот постой-ка...

Покосившись украдкой на Волохову, Михайла кивнул на дверь в соседнюю горницу: де, выйдем, переговорим с глазу на глаз.

— Ну, пойдем, угощу чем Бог послал, коли обедать не желаешь,— пожала плечами Мария и направилась, куда указал брат.

Досадливо притопнув каблуком, с прищуром посмотрела им вслед Волохова. На полном лице ее показалась такая досада, что Димитрий, не выдержав, засмеялся. Спохватившись, заулыбалась и мамка:

— Голубок ты наш! Дитятко ненаглядное! Совсем про тебя забыла Василиса-дура...

Нагнувшись, она проворно стала собирать разбросанные потешки.

— Ну? Сызнова играть станем?

Димитрий доверчиво поглядел на Волохову:

— Нет, нянюшка, надоело... Забавы все старые. Скучно

Покосившись на дверь, за которой скрылись Мария и Михайла, мамка, приниз ив голос, проговорила:

— А коли достану живулю, что Борис Феодорович дава станешь играть, а?

Лицо царевича просияло:

— Спрашиваешь! Хоть целый день, с утра до ночи! Достань, достань, добренькая!..

Он был готов к тому, чтобы Волохова пошла куда-нибудь далеко, в укромное место, долго отыскивала желанную вещь Однако та, словно давно дожидаясь его согласия, тут же извлекла откуда-то из складок подбитой белкой душегрейки знакомый узелок.

Радостно воскликнув, Димитрий обеими руками схватил

за него. Развернул торопливо. Жадно ощупал фигурку, надавил пружинку — тихо зазвенели спрятанные внутри колокольчики.

— Ты вот что, голубок,— ласково обняв мальчика за плечи, зашептала Василиса,— меня-то, гляди, не выдай — осерчает матушка, прикажет бить...

— Опомнись, нянюшка! Разве за доброту выдают? Грех то, а я грешить не стану.

— Вот и ладно, миленький, вот и хорошо. Только все едино надобно поопастись. Сейчас воротится царица, увидит здесь живую твою любимую. Нечто матушку сердить? Сделай ино: заверни воина в тряпицу да спрячь куда знаешь. Захочешь сам, без надзора поиграть — и достанешь. Верно? — И после добавила вкрадчивей: — А дабы не скучать без живули подолгу, возьми с нее памятку — отцепи хоть меч — да спрячь поглубже за пазуху...

— Я, нянюшка, лучше мечик на шею повешу, под рубаху. Никто и не найдет, — улыбнулся мальчик, торопливо расстегивая пуговицы на груди.

— Уж ладней и не придумаешь, разумничек ты милый! Только опасайся, кабы не порезаться ненароком, — точеный клиночек-то, острый...

За запертой дверью послышался зычный бас Михаилы, и Димитрий, кое-как запихнув живую в кучу старых своих потешек, сунул маленькое блестящее лезвие под одежду.

— Так и порешим, сестра, — приучать отрока к делам нашим надобно. И не перечь боле — пора, самая пора! Вести из столицы приходят добрые, сулят не мало. Коли не подготовим царевича к дальнейшему — считай, застрянем тут, на Волге, по самую кончину. Ты чего выпятилась, ворона, слушаешь? Не про тебя речи! — Михаила, беседовавший доселе с Марией, внезапно накинулся на стоявшую поблизости Волохову. — Ступай лучше принеси наследнику шапку и тулупчик. Рукавицы не позабудь!

Потом, дождавшись ухода напуганной Волоховой, продолжал, обращаясь уже к Димитрию:

— Аль не скучно тебе, племяш, все здесь в доме, взаперти, без вольного воздуха, бедовать? С бабами да тараканами печными сидючи? Все не то, не то. На воле гулять в годы отроческие надобно, крепнуть, ни ветра, ни мороза не бояться, вперед глядеть!

Приподнял сильными руками царевича с пола, подбросил высоко — Мария слабо ахнула,— к самому потолку. Подхватил бережно, засмеялся:

— Одевайся проворней. Пойдем на реку — ждут...

По тропинке меж сугробов, искристо сверкавших на солнце, спустились на лед замерзшей Волги. Позади возвышался краснокирпичный, с высокой угловой башенкой и каменной резьбою вдоль крыши дворец-терем, где пришлось им с матерью жить после Москвы. Казавшийся небольшим снаружи, терем был очень просторным и удобным внутри, хотя строился почти сто лет назад местными удельными князьями. Богатое же крыльцо, примыкавшее к его главному входу, имело очень мало равных себе по красоте даже и в Москве.

Огибая берег своим широким рукавом, могучая река, спящая ныне под одеялом толстого льда, образовала невеликий затон. Среди вмерзших лодок несколько прорубей — брать воду для дворцовой поварни да белье полоскать. Обычно в это время здесь никого не встречалось, разве случайный прохожий забредет. А теперь...

Стайка мальчишек, обряженных в заплатанные армячишки и тулупчики, черными маковниками усеяла раскатанное тесто заснеженного льда. Меж ними рослые Григорий и Андрей — два других брата Нагие — выделялись и ростом, и одеждой. Правда, сутулый и худой Григорий в своем темно-сером длинополом кафтане напоминал скорее монаха, а вот Андрей Нагой, румяный от работы и легкого морозца, нарядился пестро и ярко: крытый голубым сукном короткий полушубок дополняла лихо заломленная высокая шапка из огневой лисы.

Завидев спускавшихся к ним Михайлу и Димитрия, они призывно замахали руками: давайте, мол, поскорее — ждались вас!

— Кубари снежные катать будем? — обрадованно спросил царевич дядьев, шумно его приветствовавших.

Мальчишки отбежали подальше и оттуда, недружно поклонившись Димитрию, принялись жадно наблюдать.

— Почто, племянничек дорогой? Мы уж без тебя наигрались вдоволь... Вон каких понаделали! — засмеялся Андрей.

— Старались,— коротко усмехнулся Григорий.

Димитрий огляделся. Как же он сразу не заметил! Удивительно: выстроенные в ряд, чуть в стороне стояло десятка полтора снежных фигур. Большие, высокие, плохо походившие

на обычных ребячьих снежных баб, болваны смотрелись непонятно и грозно. Их создатели старательно вылепили и бороды, и одеяния, а некоторым дали в руки толстые жерди, напоминавшие посохи. Словом, попытались, как могли, придать снеговым изваяниям сходство с настоящими людьми.

— А ну, прочь отсюда! Живо! — прикрикнул на мальчишек грозно Михайла.— Бесенята! Не вашего ума дело...

Те горохом раскатились в разные стороны — еще дальше, чем прежде, но сколь ни устрашали их более громогласно — не уходили. Под конец Михайла лишь махнул досадливо рукой и обратился к племяннику:

— Вот, стало быть, Димитрий Иоаннович... Пока ты млад — это ныне. С матерью в отдаленьи от столицы, от дел государственных живешь. Не по своей воле живешь! Ну а подрастешь — что делать станешь?

— Тоже жить...— негромко проговорил мальчик, удивленный внезапными и неожиданными здесь, на просторе, вопросами.

— Ага — жить! Тут понять надобно — как жить! Житье теперешнее, нашему роду навязанное, недостойно. Осилили нас враги, унизили, к земле пригнули. Думают: мол, побеждены Нагие, сдались. Ан нет! Распрямимся!

— Ты, Митя,— царь,— вступил в разговор Григорий, присев на корточки и глядя племяннику в глаза.— Понять должен тебе править придется, всей Москвой владеть. И матери твоей и нам ты — единственная защита и надежда. Коли не уразумеешь теперь же, кто есть наши противники, кто великому роду Нагих унижения желает, останешься холопом вечно

Царевич насупился:

— Я не хочу — холопом...

— Истинно! Верно молвишь. Не быть ему холопом под годуновской пятой! — обрадованно забасил Михайла.— Он, сын великого Иоанна, в чужих животах и смертях властвовать поставлен! От Бога поставлен!

Он схватил племянника за руку и, хрустко ступая по снегу потащил к снежным бабам.

— Пристально зри Димитрий Иоаннович, законный царь всея Руси! Пред твоими очами знатнейшие властолюбцы около наследного престола мужа матери твоей Иоанна Васильевича, тебе завещанного, собравшиеся и готовые на любое зло, дабы младший сын Грозного на трон сей не взошел. Вот

Мстиславские — впереди князь Иван. Шуйские — Василий, Димитрий, Александр. Там — Воротынский, Головин... Посередине же, во главе сего преступного синклита, наш главный лиходей — зять Малюты Скуратова боярин Годунов Борис, обманом лукавым власти достигший...— Михайла перевел дыхание и пытливо посмотрел на мальчика:— Сумеешь ты их одолеть, а? Решайся!

Смущенный и испуганный столь неожиданным предложением, Димитрий прошептал едва слышно:

— Не знаю...

— Сумеет! Разве иное возможно! Он свой род не предаст, отстоит! Мы подсобим... Отваги нашему молодцу не занимать! — зашумели Андрей с Григорием, ободрительно похлопывая мальчика по плечам.

Димитрий, плохо понимая, чего от него хотят, тревожно озирался.

— Пусть будет сие твоей клятвой на предбудущие святые и славные дела! — воскликнул Михайла воодушевленно и торжественно.— Предостережением грозным ворогам, на власть, Димитрием Иоанновичем наследуемую, посягнувшим Дабы ведали, жива кровь Иоанна Васильевича в сыне его, и отмщенье на их головы падет превеликое и неотвратимое, никого не позабудем!

С этими словами дядя вытащил из сугроба заранее, видимо, припасенную деревянную сабельку, выточенную как раз по росту племянника, стряхнул с нее налипший снег и сунул в руки царевича.

— Вот! Докажи, что свершишь после данный обет вправду.

Несмело улыбаясь, Димитрий ухватил маленькую рукоять.

— И чем же доказывать, дядюшка?..

— Нешто не понял? Экий! — весело ответил Андрей.— Руби супротивникам головы! Напрочь! Не жалей! Ну-ка.

Он выхватил саблю у Димитрия и, подскочив к ближайшей фигуре, гаркнул:

— Это ты, боярин Иван? Берегись!

Удар, нанесенный умелой рукой, был точен — голова снежного человека покатилась по волжскому льду. Довольный, Андрей захохотал пуще прежнего. Потом — братья и пошевелиться не успели — кинулся к другому белому идолу и с ходу разметал на мелкие куски.

— А таково Сеньке Годунову придется. Знай наших!

— Погоди, пострел! Уймись,— одержал расходившегося молодца Григорий.— Дай царевичу сноровку показать...

— И впрямь,— подхватил Михайла, забирая у Андрея саблю.— Митя, приступай.

Бледность покрыла лицо мальчика. Он покачал головой:

— Куда уж мне... Страшно. Отпустите...

— Страшно! И говорит так наследник Мономаховой шапки!

— Бояться нечего. Коль не ты их, то они тебя. Упредить надобно. Руби!

— Аль позабыл, что обещал нам? Негоже отказываться. Негоже...

Дядья приступили к племяннику со всех сторон. Уговаривали настырно, голосами потвердевшими и настойчивыми. Замысел захватил разум братьев Нагих глубоко, и отступаться от него они не собирались.

На Димитрия было жалко смотреть. Не привыкший к подобному напору, да еще исходящему от людей родных и близких, искренне любимых, он растерялся и испугался. Потрясение все сильнее проникало в слабую, неокрепшую душу царевича; губы его задрожали, глаза раскрылись широко и смотрели не мигая.

— Видать, сробел. Ну, ничто! Мы вот вместе... Сожми-ка сабельку в кулаке...

— Сильней замахивайся... Вот!

— По шейке его, по шейке руби!

— Руку вперед выставляй...

Димитрия подталкивали к самой большой фигуре, держа под локти и направляя удар в нужное место. Увлекшиеся дядья забогились лишь о скорейшем достижении задуманного, на волнение племянника просто не глядели.

И потому детский крик — резкий, пронзительный, пронзивший,— внезапно ударивший в уши, заставил их замереть в оцепенении:

— Мама, мама! Где ты?! Не хочу, не хочу живых рубить! А-а-а!..

Ужасная судорога перекосила лицо царевича. Он стал валиваться на спину, трясясь всем телом. На прикушенных губах выступила пена...

— Господи, неужто опять?! — в смятении охнул Григорий

— Да! Падучая приключилась...— откликнулся Михайла, с трудом удерживая бьющееся тело.— Уж в который раз после отъезда из Москвы... Эх, напасть какая!..

Вдалеке послышались охи и причитания. По тропинке, ведущей от дворца, торопливо спускались кое-как одетые Мария, Волохова, кормилица царевича Орина Жданова и еще кто-то из дворовых.

Матери Димитрия Иоанновича не хватило нескольких шагов, чтобы добежать до сына,— силы отказали женщине, и она в беспамятстве рухнула в снег, потрясенная увиденным. Шум поднялся пуще. Слуги заметались, не зная, кому помогать первому...

— Ох ты, кровь у царевича на грудке! — испуганно заметил Андрей.— Не иначе, расшибся, падая...

— Не трожьте, не трожьте чадушко наше! Я сама, сама его обихожу! — Василиса Волохова, стремглав опустившись на колени, прикрыла собой Димитрия. Проворно расстегнула шубку, кафтанчик...

Рубашка на груди отрока густо пропиталась горячей алой влагой. Пока, суетясь, искали чистую тряпицу — перевязать, пока кликали сани — отвезти мать и сына к дому, нянька успела снять с шеи мальчика и спрятать в свой рукав маленький острый мечик, исколовший бившегося в судорогах царевича.

* * *

Вести, получаемые Михайлой да и прочими обитателями Углицкого дворца из Москвы и вселявшие в семейство Нагих вполне ясные надежды, знали, в общем-то, по всему государству. Да и не только внутри Руси судили о них — весьма пристально наблюдали за событиями в царстве Феодора Иоанновича заморские страны. Английский посланник Флетчер, посетивший русскую столицу, сообщал на родину: «Кроме нынешнего Государя (Феодора), у которого нет детей и едва ли будет... есть еще один только член этого дома, именно: дитя шести или семи лет, в котором заключается вся надежда и все будущее поколение Царского рода... Младший брат Царя... содержится в отдаленном месте от Москвы, под надзором матери и родственников из дома Нагих, но (как слышно) жизнь его находится в опасности от покушений

тех которые простирают свои виды на обладание престолом в случае бездетной смерти Царя».

Англичанин подметил точно: отсутствие наследника у Феодора волновало куда как многих — кого удручая, кого радуя. Во всяком случае, борьба за будущность трона не прекращалась... Флетчеру, хотя и не задержавшемуся в Москве, конечно же, поведали и о заговоре бояр Шуйских, к которым примкнули князья Татевы, Урусовы, Колычевы, а также некоторые иные знатные люди и московские купцы, пожелавшие принудить царя Феодора к разводу с женой Ириной. В случае удачи — женить Феодора вторично на невесте дружественного им рода Мстиславских и убить тем самым двух зайцев: решить вопрос о наследнике и лишить власти Годунова. Сестре Бориса Феодоровича после развода лежала единственная дорога — в монахини...

Было отчего встревожиться боярину Годунову! Однако Борис не растерялся и сумел повернуть дело в противоположную сторону. Заговорщиков обвинили в измене, в желании посягнуть на жизнь царицы; Феодор, пуще смерти боявшийся разлучения с любимой женой, поверил всему и не раздумывая дал согласие на суровое наказание провинившихся. Вскоре главных участников заговора тайно, без огласки умертвили. В их числе был и брат князя Василия Шуйского, Андрей Иванович

Впрочем, неудачное выступление мятежных бояр затруднения с законным наследником не разрешило. Царствующая семья оставалась бездетной, а в Угличе продолжал подрастать тот, для кого путь к престолу был короче всех...

Находилось, однако, и более чем достаточно людей, признававших первенствующее положение Годунова не столь уплохим и бесполезным для государства. Не забывая личной выгоды, Борис Феодорович всячески стремился доказывать свою способность принимать решения верные, а подчас и единственно правильные в делах внешних и внутренних. Не требовалось особого ума, дабы понять: ценившему более всего благолепное спокойствие Феодору за деятельным и неутомимым шурином было просто не поспеть.

Получилось, что Швеция, воевать с которой на ту пору недоставало сил, овладела русскими крепостями Нарвой, Ивангородом, Ямбургом, Копорьем и Корелой. По истечении нескольких лет после вражеского вторжения, понимая важность подобного шага, Годунов, заручившись согласием

царя, собрал едва ли не трехсоттысячную рать — идти походом ради возвращения исконных русских земель. Мудрость не отказала Борису Феодоровичу в главном — он приложил немалые усилия, потратил множество дней на уговоры и добился-таки: изнемогая от нерешительности и сомнений, во главе войска отправился сам Феодор Иоаннович. Россияне на громадном пространстве освободили захваченный край, побили преизрядно шведов, осадили Нарву... Ямбург, Ивангород и Копорье удалось отвоевать, и не ожидавший подобной удачи Феодор воротился в Москву со славою победителя и всенародным ликованием.

Укрепление Руси на севере и способность ее правителей управлять немалой армией с уважением и отметили в Европе. Приходилось считаться с окрепшей державой, и вот уж Польша, с которой шли долгие и опасные раздоры, пошла на заключение с Москвой двенадцатилетнего перемирия.

Приложил боярин Борис руку и к совершенствованию государственного устроения. Земля Московская делилась на четыре чети: Посольскую, Разрядную, или Военную, Поместную, а также Казанского дворца. Оставались и приказы, ведавшие менее значительными вопросами. Один из главнейших, Дворцовый приказ, управлявший царскими вотчинами, поручили родственнику Бориса Феодоровича, боярину Григорию Васильевичу Годунову. Ежегодный доход от того приказа доходил до суммы неслыханной — почти что полтора миллиона рублей...

А мастера в ту пору водились на Руси преискусные! Навеки прославился литец Андрей Чохов, отлившии пушку размеров невиданных, весом две тысячи четыреста пудов и украсивший ее во славу государя изображением скачущего на коне Феодора Иоанновича. Народ нарек ее, не имевшую нигде себе подобных, Царь-пушкой. Умели в те времена россияне творить чудеса не только из металла, но и из камня и дерева. Одних церквей возвышалось над Москвой более четырех сотен, с пятью тысячами колоколов на звонницах! Не без основания Борис Феодорович полагал по всем тем и немалую собственную заслугу, стараясь людей способных привечать, давать им простор и волю.

И еще понимал царский шурин, сколь важно иметь для внутреннего спокойствия страны крепкие границы. Потрепать Русь зарились многие, со всех сторон. В те времена полагали,

и совершенно верно, наиболее надежной защитой от набегов строительство новых городов. Спустя годы, заложенные скромными сторожевыми форпостами, они разрастутся в пре краснейшие, богатые грады... Со стороны степей и в Поволжье встали Курск и Кромы, Ливны и Воронеж, Белгород и Оскол Саратов и Царицын. Поднялся на Беломорье Архангельск, з строенные ранее Астрахань и Смоленск были обведены камен ными стенами. Но и это не все!

Покоренную не так уж давно Сибирь предполагалось за селять русскими людьми... Допустим, из Сольвычегодска по сылалось в те края тридцать пашенных крестьян «с женами и детьми и со всем именем». Но не следует думать, что верхов ная власть просто ссылала семьи на произвол судьбы, дабы лю бой ценой обжить и закрепить за собой новые земли. Нет каждому ехавшему на новые места давались «по три мерина добрых, да по три коровы, да по две козы, да по три свиньи да по пяти овец, да по двое гусей, да по пяти кур, да по двое утят, да на год хлеба, да соха со всем для пашни, да телега да сани и всякая рухлядь (одежда)». И сверх того земляки собирали переселенцам по двадцать пять рублей — деньги для крестьянина по тем временам сказочные.

Не потому ли и столетия спустя сибирский хозяин слыл своей крепостью, основательностью, богатством, закалкой в жизненных невзгодах? Он — потомок тех самых переселенцев

...Борис Феодорович, усталый и довольный, расположился в широком кресле. Его черные, слегка запавшие глаза ласков и весело наблюдали, как хлопотала в горнице Марья Григорьевна — жена, собирая с широких скамеек всякие подушеч ки и подкладывая их мужу под бока.

— Ладно, Марьюшка, не суетись боле,— сказал наконец боярин, останавливая усердствовавшую супругу.— Сядь подле отдохни. Достаточно мне твоей заботы...

— Так ведь разве докуки женские с боярскими заботам Борис Феодорович, сравнишь? Сегодня вон, почитай, с с света на ногах — ни разу дома не объявился. А теперь у ночь на дворе! — возразила Марья Григорьевна, с любов глядя на мужа.— И все — сам! Неужто без тебя не нашлос бы кому дела справить?

Весело засмеявшись, Годунов погладил руку приевшей рядом жены:

— Вот то-то, что не нашлось бы... Это дело под

государю одному да еще, пожалуй...— сощурился лукаво (жена кивнула понимающе),— пожалуй, и никому боле. А? Шутка ли, Марьюшка,— патриарха на Руси поставили! Москва с Царьградом сравнялась!

— Я разумею... Для государства то важно...

— Истинно, истинно. Хотя, ежели по совести, мало кто нынче то свершение верно оценить способен... Для государства патриарх необходим, разумеется, но главное — для государя. Понимаешь ли, Марьюшка,— для государя... Ох и притомился ж я нынче!..

Годунов прикрыл утомленные очи. Словно наяву, встала перед ним картина пира в царском дворце, где новоизбранный патриарх Иов пировал с Феодором Иоанновичем и свитой. Еще одну победу одержал в те дни Борис Феодорович — и какую! Год назад прибыл в Москву из Константинополя патриарх Царьградский Иеремия, проще говоря - бежал, притесняемый турецким султаном. А оказавшись на Московской земле, тут же предложил царю Феодору и его митрополитам ни много ни мало, как поставить его во главе русской церкви. Не желая отказывать в лоб столь почитаемой особе, правители заколебались. Быстро смекнув о дальнейшем, Годунов предложил согласиться на требования Иеремии, но лишь при условии, что тот, став русским патриархом, станет жить не в столице, а в захолустном Владимире на Клязьме, подальше от двора и всех государственных забот.

Уразумев, что властвовать ему не дадут, Иеремия согласился — скрепя сердце — на избрание патриарха из русских святителей; церковный собор наметил троих, а здесь уж Феодор выбрал, по совету своего шурина, именно Иова. Иов же был во всем предан Годунову, и теперь на него боярин рассчитывал всерьез...

— Кремль после пира великий патриарх святой водой кропил... И я с ним вокруг стен обошел. Маятно, но почетно. Ну, все теперь уж! Можно и отдохнуть...

Явно ожидал Борис Феодорович от жены ласковых слов и согласного кивка. Но ошибся: Марья Григорьевна, дав мужу выговориться, успокоиться после пережитого, заговорила серьезно:

— Боюсь я, придется с отдыхом повременить, Борис Феодорович. В гостевой палате дожидается тебя Андрей Клешнин. Давно уж сидит...

— Напрасно сразу не сказала! — Годунов резко встал и принялся застегивать расстегнутый было кафтан. — Коли придет он еще — докладывай немедля, нет меня — разыскать вели!

Носивший высокое титулование окольничего Андрей Луп-Клешнин тихо дремал, присевши за столом и уперев подбородок в подставленные ладони. Сколь ни спалось ему в тишине этой отдаленной от других палаты, а сумел он расслышать хозяина, проворно шедшего по толстым коврам и половикам. Спешно поднялся и встретил Годунова, как и подобает почтительному гостю, стоя.

— Здрав будь, Андрей Петрович, — отрывисто приветствовал Годунов окольничего. — Заждался меня, знаю. Не обессудь.

— Твои заботы известные, — с понимающей улыбкой ответил Клешнин. Нам, малым людишкам, только наблюдать остается за полетом этакого сокола...

— Полно, будет улещивать! Все только и толкуют нынче о моих заботах, — нетерпеливо заметил Борис Феодорович. — Сказывай немедля: что из Углича слыхать?

Покосившись на двери — плотно ли притворены, — Клешнин придвинулся поближе и зашептал.

— Есть кое-какие вести... Растет, крепнет... Отрок смышленый...

— Да что пользы-то в его смышлености! Ты, видать, пришел сюда добродетели царевича нахваливать? Излишне подобное!

Горячность Годунова не смутила Клешнина.

— А мне лгать нет резону, свет-Борис Феодорович. Смышлен Димитрий Иоаннович, и еще доносят — добр. Отто злоба присных отрока дядьев да матери — впрок не идет. Извещает Васка Волохова, вот изволь-ка послушать...

Пока Андрей Петрович обстоятельно и подробно пересказывал историю со снежными чучелами, Годунов, глубоко вжавшись в спинку кресла, темнел лицом. Ноздри боярина раздувались, пальцы рук, крепко сжавшие подлокотники, побелели от напряжения...

— Приспела тут падучая, пал он, болезный, наземь. И бился, доколе кровь на груди не выступила. Сослали Димитрия Иоанновича в терем, ну, разумеется, лекари да знахари за работу взялись. Полегчало страдальцу, поздоровел...

— Поздоровел... — Боярин Борис встал и, подойдя к окну

долго молча смотрел в ночь. Потом повернулся к Клешнину, и тот увидел: Годунов справился с волнением и совсем овладел собой.— Поздоровел, значит? — переспросил почти весело.— Ну и слава Богу! Беречься надобно, беречься — мало ли опасностей на свете. Так сказываешь, не стал рубить болванов?

— Истинно, не стал.

— И нарекли Нагие тех болванов боярскими именами?

— Поклясться готов в том.

— Вот и поклянись. Мол, слепили из снега чучел, нарекли, дали царевичу сабельку... Смекаешь, Андрей Петрович?

— Да... пожалуй.

— А рубил ли, нет ли — кто видел? Михайла с Григорием? Так они не свидетели — родня.

Клешнин, чуть подумав, догадливо закивал:

— Родня, родня они. Тогда и впрямь может статься — рубил!

— Вот, вот. Тем паче, ты поклясться в том готов.

Андрею Петровичу от подобных слов, сказанных спокойно и твердо, стало не по себе. Явно давал понять ему Борис Феодорович: ловушка захлопнулась, придется сделать, как хочется Годунову. От опрометчивого обещания подкрепить собственные речи клятвой не откажешься...

Дав Клешнину толику времени уразуметь услышанное, боярин, совсем уж успокоившись, добавил:

— Хотя ежели об уличных забавах пошире проведают, то, полагаю, клясться незачем...

— И я тех же мыслей! — торопливо подтвердил окольничий.— Не потребуется лишних заверений. А признать кому надо — признают. Особливо те, с кого болванов лепили.

Более Борис Феодорович разговора об услышанном от Клешнина не поднимал. Несмотря на позднее время и отнекивания гостя, приказал собирать на стол. Долго потчевал Андрея Петровича и даже уговорил остаться ночевать.

Днем встал Годунов, против обыкновения, поздно. Гость и хозяин вновь сошлись за угощением. Между беседами о разных разностях Борис Феодорович будто невзначай обронил:

— Вчерашний рассказ твой из головы не идет. Кабы присматривали за царевичем лучше, оберегали — глядишь, спокойней стало бы. Слуг при нем понятливых мало. Волоховой одной управиться трудно...

Поперхнувшись куском утятины, Андрей Петрович задумался. Переспрашивать Годунова было бесполезно — боярин запросто мог притвориться, что ничего подобного не говорил. Но не ответить ему... Тихий гнев Бориса Феодоровича оказывался подчас не менее опасным, чем ярость покойного Иоанна Васильевича.

— Есть у меня на примете добрые слуги,— выдавил наконец окольничий.— Глядишь, и помогут...

— Мне ведомы?

— Полагаю, о дьяке Битяговском Михаиле ты, свет-Борис Феодорович, наслышан. Муж сей надежен... И сын его Данила с племянником Никитою тоже верны нам.

— Тебе виднее. Добро бы, польза от них.

— Указ надобен. Пусть едут в Углич над хозяйством царицы Марии надзирать. Опять же — лишние глаза не в помеху.

— Будет указ.

Клешнин внимательно посмотрел на боярина Бориса. Тот со вкусом ел и пил, начал подшучивать над гостем, словно и не вышло меж ними серьезного разговора. «Ох и разум у Бориса, ох и разум! — пронеслось в голове у Андрея Петровича.— Поди-ка постигни его. Ежели чего захочет, в открытую приказывать не станет, заставит тебя самого нужное обещание дать. И поди потом доказывай, кто делу зачинщик — Годунов или ты. Лукав, вельми лукав, одно слово — правитель».

Но едва Клешнин покинул Годунова, Борис Феодорович, не велев слугам входить, дал волю обуревавшему сердце волнению. Господи, ну отчего так?! Не сильный, умудренный муж — отрок, невинное дитя стоит поперек дороги! Ведь любой, ежели помыслить, скажет: передать ему трон — погибель для государства. Точно алчные псы, кинутся властвовать неумные Димитриевы родичи, размечут Русь по кусочкам в собственные закрома. Размечут, и прочим поживиться на том постыдном промысле дадут! А ведь нынче иное надобно: собирать, собирать Отчизну по горстям, по крохам под единую руку. Ибо лишь в единении всех племен, в ней живущих,— сила и богатство, мощь воинская, уважение соседних держав. Уважать станут — помогут. Не товаром, не сокровищами земными — они-то на Руси в достатке, вволю, на столетия вперед,— знаниями, нам пока недоступными. Вот что надобно. Тогда, Бог даст, и в Европе земле Московской равных не сы-

щется. Да только разве ж кому, кроме Бориса, того хочется? Обидно будет все труды, для блага всеобщего потраченные, без пользы оставлять... Нет, нет, нельзя допустить того! Бороться придется до последнего!

— Господи! Царь небесный! — выдохнул Борис Феодорович и пал на колени перед богатым иконостасом с неугасимыми лампадами, что располагался в парадном, красном углу горницы. — Укрепи меня, пошли спасение грешной душе. На бой иду я, на смертный бой, и придется пролить мне кровь чужую и слезы, но лишь во благо соплеменников моих допускаю я великие грехи и жертвы. Честью клянусь — оценят потомки труды Годунова, помянут добрым словом! Помоги, Господи!..

* * *

Какими весами взвешивается содеянное в жизни добро и зло, почему порой одно перевешивает другое, несмотря на очевидность противоположного, — кто знает! Случается, истина отступает перед оговором и ложью на века, и ничто — ни мольбы, ни посулы, ни богатейшие дары, ни насилие, — ничто не может переломить сложившегося в людях убеждения. Неотвратим и страшен приговор, вынесенный народом невиновному даже, — поди-ка отмойся, очистись, оправдайся! И столь же необъяснимо порой молва возносит до небес добродетели человека, не обладавшего ими вовсе. Велико, могуче и непостижимо вечное, неумирающее стремление выдавать желаемое за действительное!..

Среди иных поверий чтили на Руси примету, веря ей беспрекословно, полагая за явное предзнаменование чьей-то грядущей гибели. Катилась по ночному небосводу звезда, срывалась вниз, и говорили: вот кто-то с жизнью расстался, полетела его душа в райскую обитель. Может, и верно говорили.

Только средь множества звезд, сиявших над Волгой в ночь на 15 мая 1591 года — если и впрямь сказывают люди правду, — одна, крохотная, мерцавшая тихо и слабо, на следующий вечер уж не взошла. Просто и незаметно растаяла в бескрайних небесных просторах, пропала с глаз, не оставив следа.

На земле же ее след протянулся кровавый и долгий, на многие годы вперед.

...Он утомил всех своих близких — и родных, и домочадцев. Накануне, в среду, припадок падучей болезни опять свалил царевича. Взрослея — а исполнилось к тому времени ему восемь лет,— Димитрий хворал все чаще. Сказывались годы, проведенные в изнурительном напряжении, ожидании неведомых напастей, неизменной готовности к поискам врагов. Мало помогала душевному спокойствию отрока родня; в опостылевшем Угличе семейством Нагих от нечего делать овладевали безрассудное озлобление и всякие причуды. Один раз Михайла Нагой едва не разодрался с дьяком Битяговским, ведавшим наряду с прочим хозяйством Углицкого дворца и денежной казной. Брату опальной царицы Марии срочно потребовались деньги... Однако то, что было положено по государеву указу, он уже получил. Вспыхнула перебранка, в которой Михайла не скупился на угрозы.

Битяговский постарался затушить спор, но обиду запомнил. Денег же не дал.

После не остывший от перепалки Михайла долго, не стесняясь присутствием забившегося в угол Димитрия, последними словами бранил сестре своей Борисовых прислужников да и самого Годунова.

Невмоготу становилось угличское житье Нагим, невмоготу!

Конечно, о недовольстве сосланного семейства знали в Москве во всех подробностях. Известия Борису Феодоровичу доставлялись регулярно, заставляя боярина мрачнеть и тревожиться.

Силы Димитрия не выдерживали, болезнь подкрадывалась снова и снова... Судорога сводила руки и ноги, била мальчика неудержимой дрожью. Случалось, в неистовом припадке царевич, зажав в ладони что-либо острое, колол пытавшихся удержать и успокоить его. Или, не видя ничего вокруг, принимался кусаться...

В тот раз, в среду, хворь навалилась особенно сильно. Пришел в себя Димитрий лишь на третий день, в пятницу. Вздохнувшая с облегчением — обошлось! — Мария решилась даже взять с собой сына к обедне в церковь Спаса.

Во время службы Димитрий, казалось бы, совсем оправился. Улыбался спокойно, ласково и немного рассеянно смотрел по сторонам, плохо вникая в проповедь, произносимую священником. Только странно недетскими казались глаза отрока

обведенные темными кругами усталости, измученные непосильными переживаниями.

А весенний день был хорош! Солнце светило почти по-летнему, лаская пробуждавшуюся землю. Слетевшиеся с деревьев грачи ковыряли клювами камешки, норовя достать выползающих греться после зимней спячки червей и букашек.

— Славно как, матушка! — воскликнул царевич, выйдя из церковной трапезной, пропахшей воском и ладаном, на свет Божий.— Тепло, привольно. Гляди, зайчики солнечные так и бегают!

— И впрямь, — отозвалась Мария, не менее сына ублаготворенная благочестивой молитвой и прелестью майского дня.— Полагаю, можно будет, отобедавши, посидеть на дворе. Совсем не грех, совсем!

— Отобедавши...— разочарованно протянул Димитрий. — Тогда, глядишь, и солнышко за тучки скроется. Покуда трапеза идет, да после, поди, спать захочется. — И, углядев пробегающую вдалеке стайку мальчишек, шумную и шаловливую, попросил робко: — А то пустила бы меня до обеда? Немножечко только поиграю — и приду. Коли позовешь — услышу, ведь рядом буду. А? Ненадолго совсем...

— Пусть погуляет надежа наша — вступила в разговор находившаяся тут же Василиса Волохова — Приглядим, государыня. Да и стол, я чаю, вот-вот уж должны накрыть. Мигом обернемся.

Стали просить за своего любимца и постельница Самойлова с кормилицей Ориной Ждановой. Вышедшие вослед из церкви на двор братья Нагие, прислушавшись, тоже присоединились к племяннику; не задумываясь особо впрочем, спешили с женами к обеденным столам, торопливо прощаясь с сестрой, разъезжаясь в разные стороны.

Бог знает, отчего Мария, положившая себе за нерушимое правило не спускать глаз с сына — особенно после участившихся приступов падучей,— согласилась. Возможно, мать понадеялась на присутствие рядом с царевичем верных слуг.

Подумав еще немного, царица кивнула:

— Что ж, поди. Однако не заигрывайся и слушай: как кликну — ко мне немедля.

— Мы проследим, государыня! Не сомневайся! Приведем чадушку нашего вовремя! — загалдели вразнобой няньки.

И Мария ушла...

Обрадованный Димитрий проворно, не обращая внимания на озабоченные вскрикивания женщин, побежал на середину освещенного солнцем двора, но тут же остановился в растерянности: играть оказалось нечем. Царевич растерянно посмотрел на спешивших за ним прислужниц.

Волхова поняла все сразу же:

— Охти мне! О потешках-то и не помыслили, забыли! Ну, ну, не горюй, свет-Димитрий Иоаннович, поправима беда! — И заговорила просительно со Ждановой: — Оринушка, вишь, что вышло — остался надежа наш без живуль любимых. Сходи, принеси! Не заставляй ждать царевича...

— Не надо живуль! — откликнулся посветлевший Димитрий.— Разве я нынче маленький — с живулями забавляться? Подай кожаные кубари, обруч с клюшкой принеси — катать стану!

Поглядев вослед ушедшей Ждановой, Василиса, будто только что вспомнив, всплеснула руками:

— Сразу бы мне додуматься! Ведь коли бегать с кубарями да обручем начнешь — взмокнешь, пот прошибет. Вон солнышко-то как припекает. А утереться и нечем... Незадача.

— Стоит ли кручиниться. Мигом полотенце тут будет.— произнесла постельница Самойлова, с трудом сгибая грузное тело в поклоне. Потом, сколь могла проворно, поспешила во дворец.

Проводив их глазами, Волохова подошла к царевичу, приобняла отрока за плечи:

— Красавец ты мой писаный! Рад, поди, что на волюшке оказался?

В ответ Димитрий только рассмеялся счастливо.

— И я рада-радехонька. Не дают ведь мне с тобой наедине побыть. Матушка глаз не отводит. А разве я когда худое своему единственному делала?

— Мне? Только добрее! — горячо возразил отрок.

Выпрямившись, Василиса погладила царевича по голове, внимательно и долго посмотрела ему в глаза.

— Ну, играй, милый. Да, порадую тебя: припасла тебе забаву давешнюю, заветную. Помнишь? — И вновь в ее руке, как в прежние времена, сверкнуло тоненькое длинное лезвие.

— Мечик! — удивленно и радостно вскричал Димитрий, жадно схватив памятную потешку. - Сколько ж я не видал его... Год уж минувал. Помнишь, няпошка, вышел я на ней

с дядей Михайлой, упал... А мечик и пропал тогда. Уж как я горевал!

— Ан видишь — не пропал. Обронил ты его тогда в снег. Уж искала, искала тогда эту потерю... Нашла вот и сохранила. Играй! Играй, ненаглядный мой

— Теперь уж не потеряю — всегда со мной он будет,— промолвил отрок. — Снова, точно в прошлый раз, на шею мечик надену, спущу за пазуху.. Ой, ремешочек-то, что сквозь ручку ему продернут, никак короче стал? Голова едва проходит... Нет, гляди, нянюшка,— надел! Только теперь потешка не на груди, а у самого горла болтается... Щекочет!

— Вырос ты, свет-Димитрий Иоаннович,— тихо, отведя взор в сторону, сказала Волохова.— Лучше б тебе всегда отроком оставаться. А то растешь быстро. Быстро. Вот и стал ремешочек мал... — Посмотрела куда-то поверх головы царевича, вздохнула глубоко и прибавила почему-то виновато, обращаясь неведомо к кому: — Мешает он...

От хором, обгоняя друг друга, поспешили Самойлова и Жданова, взмокшие от усердия.

— Принесли! Вот, пожалуй, батюшка наш! Тебе — в утеху! Играй вволюшку, радуйся! — загалдели наперебой

Довольный, Димитрий выхватил у Ждановой большой кубарь из красной кожи, звонко хлопнул его оземь, пихнул сапожком. С удальством сдвинул шапку на затылок: вот, мол, сейчас позабавлюсь!

— А почто нет здесь Ивашки с товарищами? Пусть придут, вместе веселее! — крикнул задорно, вспомнив своих обычных сопутников в дворовых потехах.

— Да вон они — за углом прячутся,— отозвалась Самойлова, указывая на выглядывающих из-за стоявшей неподалеку брусяной избы четырех ребятишек — Давно уж тебя дожидаются, покуда не позовешь. Кликнуть их, что ли?

— Обязательно кликнуть! Голос Димитрия Иоанновича, дотоле беззаботный, почему-то дрогнул. Лицо, успевшее разрумяниться на свежем воздухе, стало вдруг сызнова приметно бледнеть. Но отрок упрямо топнул сапожком, покрутил головой досадливо, стараясь прогнать от себя что-то мешавшее ему, не показать окружающим виду.

Вздохнув глубоко, мальчик через силу засмеялся. Потом глянул на своих прислужниц и произнес:

— Ну, теперь и все вроде. Собрался я...

Подбегавшему Ивашке, по виду ровеснику своему, и остальным трем мальчишкам бросил призывно:

— Кто за мной поспеет? Догоняйте!

С этими словами царевич, пустив перед собой кубарь и часто ударяя по шару ногой, бегом покатил его по двору. Отставшие было отроки бросились за ним. Переглянувшиеся няньки тоже, хоть и не очень торопливо, пустились следом.

Раскатившийся кубарь ударил о каменную стену дворца, отпрыгнул от какого-то незаметного выступа и покатился за угол палат. Туда, часто дыша, пробежал Димитрий.

Не ожидавшие того мальчишки, уже готовые было поймать красную круглую потешку совсем в другой стороне, дружно захохотали и рванулись за скрывшимся царевичем.

Стоило сделать им десятка полтора шагов — и они оказались бы на противоположной стороне старого Угличского дворца, не видной ни единому глазу, и, конечно, привычные более хворого, изнеженного отрока к подвижным игрищам, настигли бы его. Но тут пронзительный, болезненный вскрик, сорвавшийся на глохнущем, булькающем стоне, выпорхнул из-за угла, разом остановив резвый ребячий бег

Краткий миг спустя, сбросив оцепенение, изо всех сил бросились в ту сторону перепуганные няньки, расталкивая струхнувших мальчишек. И — оцепенели...

Неловко подогнув колени, оборотив широко распахнутые глаза к небу, мертво лежал на земле с окровавленным горлом меньшой сын Иоанна Грозного. Тут же, на оборванном ремешке,— маленький клинок...

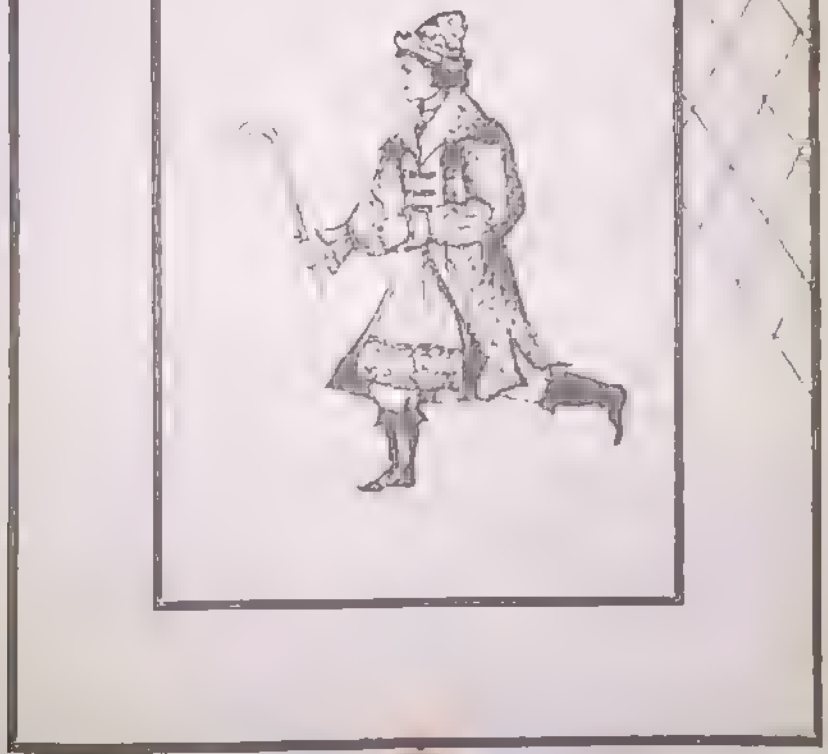
Точно молния с громом средь ясного неба обрушились на дотоле мирный и незлобивый Углич. Потрясенный город, казалось, весь сбежался к старому дворцу.

Ожесточенно, не переставая кричать и клясть последними словами, била схваченным тут же на дворе поленом растрепанную Василису Волохову обеспамятевшая от горя Мария.

— Убивица! Душегубица проклятая! Знаю — ты давно злодейство замышляла! Чего смотрите?! Бейте, бейте эту тварь подосланную! — исходя неистовством, надрывалась вдовая царица.

Кое-кто из дворовых принялся помогать ей.

На башне соборной церкви ударили в набат. Пономарь, по прозвищу Огурец, звонил изо всех сил. Пытались остановить



его, узнать, в чем дело, но он заперся изнутри и, точно при самом большом пожаре, без устали натягивал веревки колокольных языков.

Прямо от обеденных столов прискакали ко дворцу на кое-как оседланных жеребцах Михайла и Григорий Нагие. Многим дворовым, сколь ни велико было потрясение, показался Михайла пьяным, и изрядно. .

— Никак, пожар?! — закричали они, еще подъезжая, издали.

Потом, разобравшись в случившемся, братья без лишних слов кинулись действовать: Григорий, оттолкнув сестру, сам набросился на Волохову, а Михайла, рыча и плача от злобы и досады — всем мечтаниям пришел нежданный конец! — пошел навстречу народу, все прибывавшему на подворье. Многие, уверенные в том, что колокола сзывают гушить загоревшийся дворец, прихватили топоры, багры и веревки...

— Опоздали! — слезливо и хрипло прокричал Михайла Нагой, разводя навстречу людям руками, словно бы с укоризной.— Раньше-то, раньше где были?! Нет у вас теперь государя законного, лишилась наследника Русская земля... Проглядели вы подсылов годуновских, дозволили им на малое дитя посягнуть! Чем теперь перед Господом рассчитываться станете, как покаетесь?

— Отец наш, да разве ж мы чем виноваты?

— И знать не знали про подсылов...

— Делать-то что?!

— Чем вину пред почившим царевичем загладить? Чем?! — послышалось из толпы.

Михайла сверкнул глазами.

— Не почившим! Нет! Убиенным безвинно! И преступники здесь, средь вас, не спрятались. .

— Она, что ль? — указали на истерзанную Волохову, и тут же более десятка рук схватило мамку и поставило на ноги.

Указывая на Василису, беззвучно заговорила Мария. Но полный злобной радости вопль Михайлы Нагого заставил всех оборотиться к нему, и это спасло мамку от неминуемой гибели.

Расталкивая собравшихся, переспрашивая о свершившемся, к палатам приближался дьяк Битяговский. Перед ним, надменным и важным, расступались, и это более всего обозлило старшего родича Димитрия Иоанновича.

— Дождались господина? Кланяйтесь, кланяйтесь ему ниже! А ведь он тут главный злодей, вон, вон руки-то дьяковы — в крови царской!

— О-о-о... — изумленным многоголосым стоном отозвалось в народе.

— Опомнись, что ты речешь, безумный! — попытался было заговорить Битяговский, однако к нему уж подбирались, засучивая рукава...

Смекнувший об опасности дьяк с невиданным проворством бросился бежать. Скрывшись в стоявшей неподалеку брусяной избе, он попытался затвориться, но не успел. Вослед вбежало немало посадских мужиков, и вскоре стоявшие снаружи услыхали, как вопли о пощаде постепенно стихли...

Потом уж сами, без наущения, бросились искать сына Битяговского Данилу и двоюродного брата его Никиту Качалова, подозревая их в пособничестве страшному делу. «Они царевича резали! Они!» — летало над толпой. Сыскали их скоро в разрядной избе и так же люто, торопливо умертвили.

Оборванного, всего в ссадинах и синяках, подвели к безутешной Марии высокого молодца. Уцелевшая Волохова, которую держали тут же, всмотрелась сквозь боль запавшими глазами и, ахнув, забилась, запричитала, узнав в пойманном своего сына Осипа.

— Дождалась, змея? — гусклым от слез голосом спросила ее Мария. — Изловили, не ушел...

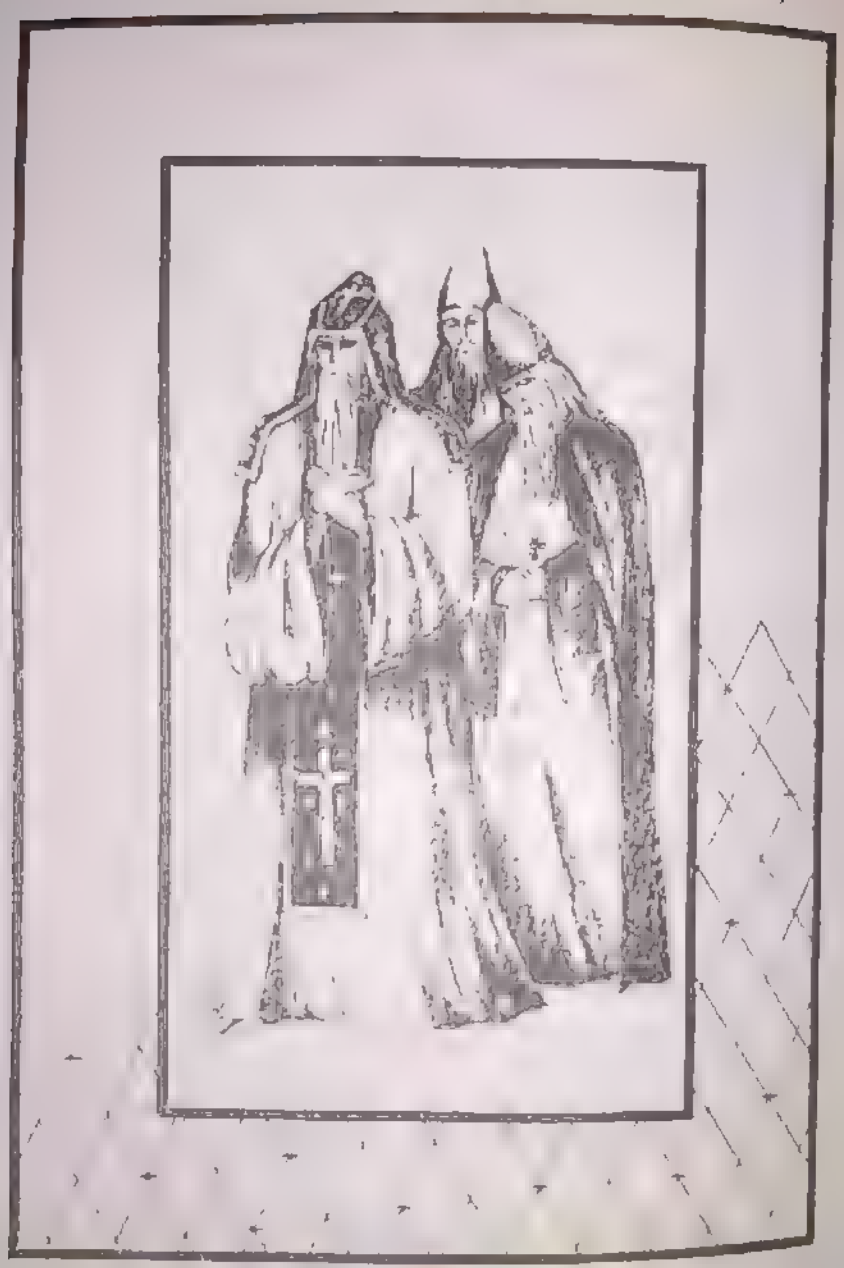
И, трудно приподнявшись, несчастная мать заговорила:

— Люди! Люди добрые! Каюсь перед вами, премного виновата, не сберегла вам царя... Всеми святыми клянусь — вот кто Димитрия Иоанновича смерти предал. К нему, поди, к сыну своему, Осипке-лиходею, дитя неразумное выманила. Облегчите же страдания мои хоть в малом — покарайте аспида!

И тут же Осип, не успев промолвить ни единого слова в свое оправдание, исчез в толпе, ревущей от горя и возмущения. Замелькали палки и кулаки...

В стороне, уж не спрашивая никого, били слуг Битяговского, били отчаянно и безрассудно.

Никто не заметил внезапно появившегося посреди бушующего людского моря осанистого человека в монашеской рясе и клобуке, сопровождаемого двумя молодыми послушниками. Осмотревшись печально, тот двинулся к Марии, видимо



уже оповещенный о кончине царевича. Но тут наперерез ему показалась кучка надрывно кричащих парней — душ с полсотни. В тычки они гнали перед собой трех женщин, одну постарше, двух же почти девчонок, закиданных грязью до безобразия. Слышались угрозы и ругань.

— Остановитесь, миряне! — строго встал на их пути человек в рясе. Заговорил увещевающе, но решительно: — Куда гоните сих рабынь Божиих в столь срамном и непотребном виде? Почто грозите им?

— То женка Битяговского Мишки, убивца государева, и дочки ее,— ответили из толпы.— Волокем на суд, на расправу!

— Отступитесь, приказываю — прочь! Не дам пред храмом сим,— промолвил сурово, указавши на церковь Спаса — Не дам кровь христианскую проливать.

— А они вот пролили! — дерзко ответил кто-то. — Ты-то что за указчик выискался? Гляди...

— Очумел, дурак?! Протри глаза лучше! Кому дерзишь? Ведь это архимандрит монастыря нашего, отец Феодорит благочестивый! — послышалось в толпе, ставшей унимать дерзкого.— Да мы, отче, не препятствуем...

— Коли надобны тебе эти бабы — бери!

— Только рассуди по совести!

— Ежели виноваты — накажи...

— А мы пособим.

— Рассудит их государь всея Руси Феодор Иоаннович,— возвысил голос Феодорит.— А тако же святейший патриарх Иов. Оставьте их...

Потом архимандрит негромко велел сопровождавшим его послушникам отвести захваченных родичей Битяговского под караул и беречь пуще глаз.

Негодование людское, вызванное вестью о неправой и скорой смерти маленького царевича, постепенно утихало. Гнев отходил прочь, сменяясь усталостью и гнездящимся беспокойством: а ладно ли сотворили? После недолгих размышлений появился страх, сперва малый, а после — крепнущий все основательней. До Москвы было не слишком далеко, и каково там взглянут на подобную, самосудом, расправу, казалось весьма сомнительным.

Поостыв еще, сочли: всего от рук возмутившегося народа полегло двенадцать душ.

В тот же день, загоняя насмерть лошадей, поскакал в столицу гонец к царю, отвозя наскоро составленное донесение о случившемся.

А царевича Димитрия Иоанновича, вернее, тело его, ставшее вдруг словно невесомым, обмыли, обрядили в чистое и, положив в торопливо сколоченный короткий, по росту, гроб, поставили в Преображенском соборе.

Спустя четыре дня, вечером 19 мая, в Углич прибыли посланники государя Московского с целью разыскать дело по справедливости.

* * *

— Ты лжешь, Борис! — Обезумевшие глаза Феодора Иоанновича обшаривали Годунова, слабый и просящий голос дрожал.— Скажи, признайся — то ложная грамота, писана в ней напраслина! Скажи!..

Никто, кроме царского шурина, не решился прийти к Феодору с подобной вестью. Не успело послание из Углича достигнуть государевых палат, как о нем неведомо откуда прознали сперва во дворце, а после и на Москве... Без зова у дверей, ведущих в покои Феодора, стали собираться царедворцы Торопливо приезжали в Кремль бояре, окольничьи, думные дворяне, старшие дьяки. Перешептывались коротко, делясь страшной новостью, обраставшей, как водится, тут же всякого рода домыслами и догадками. Притихли, лишь когда поспешно, одетый с торопливой небрежностью, вошел Годунов. Он, едва взглянув на явившихся, понял все без слов. Поздоровался сухо и вошел к царю...

— Грамота надежными людьми писана, великий государь,— твердо ответил Борис Феодорович.— Полагаю, можно им верить.

— Можно верить? — упавшим голосом переспросил сын Грозного и внезапно, круто и нежданно переменив кроткий и подавленный облик на бешеный, закричал страшно — А-а-а!.. Говорил я! Ведь не хотел, не хотел — помнишь?! — ссылать Митю! Душой предчувствовал — не кончится это добром! — Застучал ногами неистово: — Звать сюда всех! Немедля! Тотчас!

За дверями затопотали. Входившие бояре кланялись царю в пояс и торопливо расходились по углам палаты, стараясь

уйти в тень, подальше от огненных взоров Федора Иоанновича. Но скрываться от того оказалось бесполезно — он подбежал сам, вплотную.

— Смотреть в глаза! — выдохнул яростно.— В глаза мне! Кто, кто правду царю своему поведает? Кто не солжет в сей тяжкий час, окрашенный кровью наследника Иоаннова? — И выступившему было вперед Борису Федоровичу угрожающе: — Молчи, Годунов! Молчи! — Потом снова, чуть переведя дыхание: — Так кто правду откроет: сам он убился или.. — Не договорив, примолк и докончил глуше: — Правду царю! Ну?!

Тяжкая, напряженная тишина, не нарушаемая никем, повисла в государевых покоях.

Федор Иоаннович бросился к царедворцам и, растолкав их, вытащил невысокого лысоватого человека с редкой бородой на желтоватом лице. Потянул к свету, к окну, дабы ничто не утаилось в полумраке.

— Ты, ты, князь Василий Иванович, не солжешь! Знаю, мертва у вашего рода Шуйских приязнь к шурину моему, и нет тебе выгоды истину скрыть. Скажи, Богом заклинаю!

— Откуда же мне знать, государь-отец? — сокрушенно покачал головой Шуйский — Молвят разное, а я при том не был...

— Великий царь! Дозволь слово молвить, не вели казнить,— пав на колени и бив челом об пол торопливо произнес боярин Борис.— Мудро изрек князь Василий Иванович: нам всем ведомо лишь то, что в грамоте изложено. Знаем лишь верно — нет более в живых царевича Димитрия Иоанновича.— Годунов, оборотившись к иконам, перекрестился; вослед за ним — и все остальные — Но надобно разузнать всю истину, без утаек и криводушия! Пошли же, государь, в Углич дознавателей править розыск да поставь во главе их человека умного, беспристрастного, вот хоть князя Шуйского.

Изумленный шепоток прошелестел средь собравшихся. А Борис, поднявшись на ноги, закончил совсем уж твердо:

— То, что выведает князь подлинного, мы на веру возьмем, не посомневаемся. Виновных же, буде таковые отыщутся, лютой казни предадим, не глядя на их заслуги и титулы.

Всплеснувши руками, Федор Иоаннович, сразу обмякнув и стихнув, вопросил:

— Ты ли это молвишь, Борис? Прости меня, прости нера-

думного, что согрешил, усомнился хоть на миг в твоей искренности...

— Нет в том греха, государь,— хладнокровно ответствовал Годунов.— Свершилось ужасное, и правду хотят сведать не только стоящие вокруг престола — народ русский справедливого суда жаждет. Так ли, родовитые бояре и дворяне?

Те дружно закивали, заговорили утвердительно, дружно соглашаясь с Борисовыми словами. Про себя удивлялись немало дерзкому, рискованному предложению ближнего боярина Шуйскому, его тайному недоброжелателю, было за что не любить Годунова, и вот на тебе — Борис Феодорович сам дает возможность Василию Ивановичу отыграться за прежние обиды.

Оттого не слишком внимательно отнеслись к последующей рекомендации Бориса Феодоровича: отправить вместе с Шуйским крутицкого митрополита Геласия, дьяка Вылузгина и еще окольничего Андрея Петровича Луп-Клешнина. Царь тут же изъявил полное согласие.

Успокоенный, достаточно уверенный теперь в справедливом ходе розыска, Феодор Иоаннович, довольный суждениями шурина, не задумался лишь об одном: Шуйский, и впрямь ненавидевший и боявшийся Годунова из-за погубленного Борисом брата своего, Андрея Ивановича, тем не менее приходился ему .. роднёй. Другой брат Василия Ивановича, Димитрий, взял в жены родную сестру Годуновской супруги — Екатерину Григорьевну.

Приехав в Углич, Василий Иванович с помощниками повел розыск без задержки. Князь призвал к допросу братьев Нагих, с трудом оправившуюся от побоев Волохову, служилых людей при дворе царевича, Орину Жданову, Самойлову, архимандрита Феодорита и даже детей, игравших с Димитрием Иоанновичем в тот роковой день. По следствию Шуйского выходило — все допрошенные, включая Григория Нагого, ре ти единогласно утверждали, что царевич закололся сам в пр падке падучей болезни. Только Михайла Нагой, несмотря на что, упорно настаивал на убиении племянника чужими р ками.

Осталось неведомым, беседовала ли с Шуйским царица Мария, отвечали ли на следствии мятежники, бросившиеся мстить Битяговскому и остальным обвиненным в насилии над Димитрием Иоанновичем. Розыск не показывал, спрашивали

ли их вовсе. Да и сами ответы допрошенных записаны были скудно и неопределенно.

Однако, воротившись в Москву и огласив пред собравшимся духовным собором результаты расследования, митрополит Геласий объявил: царица Мария таки призывала его к разговору, приносила повинную за себя, братьев и просила милости.

Патриарх же Иов, будучи во главе собора, вынес решение: «Перед государем Михайлы и Григория Нагих и угличких посадских людей измена явная: царевичу Димитрию смерть учинилась Божьим судом; а Михайла Нагой государевых приказных людей, дьяка Михайлу Битяговского с сыном, Никиту Качалова и других дворян, жильцов и посадских людей, которые стояли за правду, велел побить напрасно . За такое великое изменное дело Михайла Нагой с братьею и мужики-угличане по своим винам дошли до всякого наказанья. Но это дело земское, градское, то ведает Бог да государь – все в его царской руке, и казнь, и опала, и милость, о том государю как Бог известит».

Некоторое время спустя после собора к Борису Федоровичу подошел Андрей Петрович Луп-Клешнин, вместе с дознавателями докладывавший перед патриархом. Он нагнал Годунова уже почти у самого дворца.

— Живи и здравствуй, боярин! — окликнул запыхавшийся Клешнин. — А я вот бегу за тобой, поспеваю... Едва нагнал...

— Чего надо? Сказывай побыстрей, — с явным неудовольствием отозвался царский шурин.

— Аль ты недоволен, Борис Федорович? Патриарх-то вишь как справедливо рассудил. По нашему-то розыску

— По вашему, по вашему . Молодцы.

— Ну, вот так, стало быть. — несколько смутился Андрей Петрович, оказавшись не в состоянии истолковать настроение Годунова.

Тот помолчал, затем, несколько сбавив шаг, искоса поглядел на окольничего и спросил:

— Схоронили вы его быстро, то хорошо... Покойный... он... Ну, словом, сильно порезан был?

— Димитрий-то Иоаннович? — охотно отозвался Клешнин. — Нет, ничего приметного. Чистенький лежал, беленький, точно из баньки явился. Я даже прослезился у гроба, на царевича глядючи.

Годунов остановился и, в упор зря на Андрея Петровича, покачал головой:

— Бога ты не боишься, Андрей. Бестрепетно о душе невинной, в рай отлетевшей, говоря эдак. Нехорошо!

Клешнин только усмехнулся в усы, разгладил бороду. Потом, спохватившись: «Забыл я», полез за пазуху.

— А вот — узнаешь ли, боярин?

На широкой ладони окольничего лежал узенький и тонкий клиночек с пропущенным через рукоятку и оборванным ремешком.

— Что узнаешь? Ножик? Байки молвишь, Петрович. Чай, не мальчишка я ножики потешные признавать

— Его то ножик. Играл вроде им царевич...

— Вон оно как... Дай-ка взглянуть. Эге, востер, хоть и невелик. Добро сработан.

— У самого тела в сутолоке подобрали да мне потом без огласки и передали...

— В сутолоке... Тогда еще поди разбери, чей он. Обронил кто-нибудь, — заметил почти равнодушно Борис Феодорович, возвращая находку. — Ну, ладно, забирай

Несколько удивленный, Андрей Петрович принял клинок, повертел его и, помолчав, спросил:

— А куда его? Для меня-то вроде без надобности

— Куда хочешь, — пожал плечами Борис Феодорович и вновь зашагав, не оборачиваясь, посоветовал: — Закинь подальше. С глаз долой, из сердца вон.

Под стражей доставили в столицу братьев Нагих и отправили в пыточные подклети. Дознаваться у них подробностей об измене и ложном оговоре ходили бояре во главе с Клешниным; нередко спускался к палачам — наблюдать за допросом — и Годунов. Михайла муки терпел и в прежних словах своих упорствовал.

В конце концов допросчики отступились и решили разослать дядьев покойного царевича в заточение по дальним городам.

Круче обошлись с мятежными угличанами, наказав их «бунташные» провинности с беспощадной суровостью. Почти двести человек поплатились жизнью или, ради милости государевой — всего лишь! — лишились языков. Еще больше народу угодило на цепь, в темницы. Всех прочих, включая женщин и малых ребят, сослали в Сибирь для заселения города Пелыма

Рвали тогда языки не только человеческие и ссылали в холодные края не одних людей. Колокол, зазвонивший в набат и призвавший народ к бунту, сочли виноватым не менее остальных. Медный великан онемел после рук палача, сброшенный со звонницы церкви Спаса. Потом его, с отрезанным билом, исхлестанного, словно живое существо, плетьми, отвезли в Тобольск, навечно.

* * *

Справа от Красного крыльца, от ворот, послышались хлопанье кнута и лошадиное ржание. Несколько стрельцов, стоявших тут же на карауле, и не пошевелились навстречу двум въезжавшим простым мужичьим телегам, лишь проводили глазами лениво. Не доехав до дворцового входа, возницы остановили лошадей.

Утро было раннее — ночь еще не отошла, небо едва начинало розоветь над зубцами кремлевских башен.

Послышались шаги, неторопливое позевывание. Четверо ярыжек, сопровождаемые дьяком, несли несколько невеликих узлов и сундучок. Кое-как ответив на стрелецкие приветствия, дьяк велел сложить принесенное добро в одну из телег. Потом, пересчитав узлы, отпустил помощников.

Спустя некоторое время — дьяк, зябко поеживаясь от утреннего холодка, переминался с ноги на ногу — привели под руки нетвердо ступающую молодую женщину с ранней сединой в волосах. Не говоря лишних слов, посадили в повозку. Рядом уселись два пристава и пришедший с ними начальный. В другой телеге, где уложили скарб, примостились и трое баб, жалостливо взглядывая на сидевшую с приставами, всхлипывали украдкой. Дьяк глянул на них строго, хотел прикрикнуть, но начальный лишь махнул рукой, пояснив ему коротко: «Пускай воют по-тихому, мешать не станут — то слуги ее».

Ждали долго, не трогаясь с места, но вот наконец, когда уж почти и рассвело, по лестнице Красного крыльца, твердо ступая, сошел среднего роста человек с резным посохом в правой руке — Борис Федорович Годунов. С выражением на лице, в котором читались и удовлетворение, и жалость, и холодная решимость, он осмотрел собравшийся обоз. Бывшую царицу Марию из рода Нагих увозили на Белое озеро, в пустынь на Выксе, постригать в монахини.

Годунову кланялись, точно самому царю, пряча глаза, подобострастно. Только Мария смотрела в сторону, словно видя за древними стенами то, чего не могли различить остальные.

— Здорова ли? — произнес, подойдя, боярин Борис, забывая обычные приветствия.

Не отводя взора от нечто далекого, вдова Иоанна глухо ответила:

— Изыди отсель, кровь басурманская. Празднуй победу...

Обычно спокойный, ровный на людях, Борис Феодорович нежданно вскипел, возвысив голос без стеснения почти до крика:

— Басурманской кровью попрекаешь?! Ты?! Тебе ли это молвить! Да, тщатся злые языки мне в родоначальники мурзу Чета, ордынца, поставить. Так! Но кабы и была толика крови татарской в жилах Годунова, теперь уж ей душу русскую одолеть, пересилить невмочь.

Чуть остепенившись, боярин взглянул на прочих, крепко пристукнул посохом оземь:

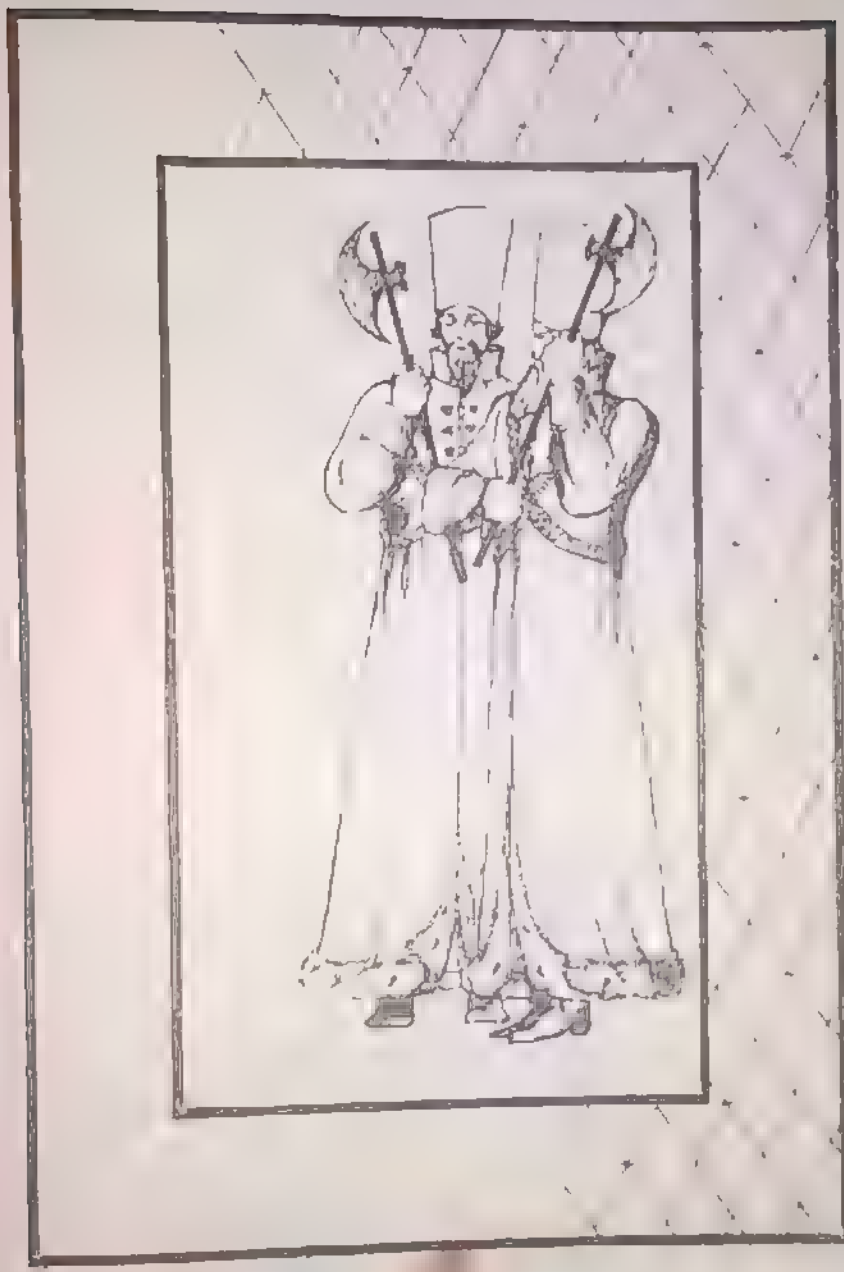
— А ну, отыдите все прочь, подале! Желаю говорить наедине!

Оставшись без свидетелей, стараясь заглянуть Марии в глаза, заговорил:

— Хотелось тебе и братцам твоим, волкам несытым, властвовать и править, желалось богатства несчетного, почету сверх меры. Того ради сына единственного и племянника единокровного не пожалели, впереди себя поставили. Э-эх, вдишки! Дитя малое впрягли в непосильный воз, точно коренника, воз тяжкий, полный помыслов и желаний кровавых! Научали отрока непотребному коварству, злобу в нем искормить пытались! Да что тут! Все едино на своем стоять будешь. Знаю, знаю — меня ты в его погибели винишь! Зря винишь, царица, зря: не допустил Всевышний неправому замыслу Нагих свершиться, злой воле над Русью властвовать!

Помолчал и добавил спокойней:

— Вот и выходит: хоть и полагаете вы, Нагие, свой род выше прочих, чище — а напрасно. Самые басурмане дикие и есть! А я... Я грешен, может статься, много, не спорю, и богатство жалую, и почет люблю. Только вот пуще подобных суетностей земных славы меж людей жажду, дабы ценил народ полезность мою, деяния, во благо государству творимые!



— Народ оценит...— впервые повернув голову к Годунову, прошептала Мария.— Рассудит... Справедливо рассудит, Борис. Уйди...

— Народ рассудит,— холодно согласился правитель.— Я уйду... И ты уйдешь... В разные стороны разойдемся. Кому в святцы попасть, кому анафеме предану быть — без нас решат.

Распрямился, холодно посмотрел вокруг, махнул рукой, подзывая дьяков и стражу:

— Хватит! Трогайте!

Повернулся и зашагал, не оглядываясь, вверх по ступеням в нутро спящего пока что дворца...

В утреннем воздухе звонко запел маленький колокол, часомерье, сработанное еще при Иоанне Васильевиче, отбивало время. Когда последний удар растаял, слетев с высоты Фроловской башни, где-то, невидимая глазу, отрывисто бахнула пушка, возвещавшая восход солнца.

Галочьи стаи, разбуженные выстрелом, вспорхнули с окрестных крыш и закружились над просыпающейся Москвой, купаясь в несмелых еще лучах поднимавшегося светила.

СЛОВАРЬ УСТАРЕВШИХ СЛОВ

АРМЯК — сшитый из армячины — грубой шерстяной ткани — широкий крестьянский кафтан.

АРХИМАНДРИТ — высшая степень церковного сана для настоятеля монастыря.

БОЯРИН - вельможа знатнейшего сословия в Российском государстве: ближний боярин, или комнатный,— особо приближенный к царю

ДУМНЫЙ ДВОРЯНИН — младший член царской думы — верховного государственного совета, возглавляемого царем.

ДУШЕГРЕЙКА - короткая женская одежда без рукавов.

ДЬЯК — письмоводитель, правитель канцелярии; думный дьяк ведал важнейшими делами и документами в царской думе.

ЖИВУЛЯ — кукла.

ЗАТОН — речной залив, отделенный от русла реки береговой косой.

ЗЕМСКИЙ СОБОР - заседание высших чинов государства для решения важных дел и вопросов; на духовном соборе совет держали высшие деятели церкви.

КУБАРЬ — пустотелый шарик для игры; мячик.

МИТРОПОЛИТ, АРХИЕПИСКОПЫ, ЕПИСКОПЫ — высшие чины русской церкви.

МУРЗА — князь, глава рода у татар в Орде.

ОКОЛЬНИЧИЙ — второй сверху по чину сан приближенного к царю вельможи.

ПАТРИАРХ — высший духовный сан главы православной церкви.

ПОДКЛЕТЬ — нижняя часть дома.

ПОНОМАРЬ — прислуживающий в церкви

ПОСЛУШНИК — тот, кто принял в монастыре обет послушания, готовясь к пострижению в монахи; белец.

ПОСТЕЛЬНИЦА — прислужница в спальне

ПОТЕШКА — игрушка, забава.

ПРИСТАВ — караульный, надзиратель.

ПУСТЫНЬ — монастырь.

СИНКЛИТ — полный состав некоих высоких лиц.

СКАТНЫЙ ЖЕМЧУГ — жемчуг, отличающийся ровностью, крупной величиной, ценностью.

СТРЕЛЬЦЫ — полки царского войска, служилые люди, пехота, вооруженная огнестрельным оружием.

ТРАПЕЗНАЯ — трапезная церкви, западная ее часть напротив алтаря — восточной части церкви с иконостасом.

УДЕЛ — княжество, область, данные наследникам во владение

ХОЛОПЫ — дворовые, проданные или закабаленные в неволе для услужения.

ШУРИН — родной брат жены.

ЯРЫЖКА — низший чин в приказе — одном из тогдашних правительственных учреждений, ведавших государственными делами.

СОДЕРЖАНИЕ

ОПАЛЬНЫЙ ОТРОК 5
Словарь устаревших слов 61

Литературно-художественное издание

ДЛЯ МЛАДШЕГО
ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Савенков
Антон Алексеевич

ОПАЛЬНЫЙ ОТРОК

Повесть о недолгой жизни
царевича Димитрия

Ответственный редактор
Т. Н. Терехова

Художественный редактор
Н. Г. Ордынский

Технический редактор
И. П. Савенкова

Корректор
Г. Ю. Обрядина

ИБ № 13325

Сдано в набор 20.05.92. Подписано к печати 18.02.93. Формат 70×100$^{1}/_{16}$. Бум. офс. № 1. Шрифт академический. Печать офс. Усл. печ. л. 5,2. Усл. кр.-отт. 11,7. Уч.-изд. л. 3,78. Тираж 100 000 экз. Заказ № 1319. С 244.

Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Министерства печати и информации Российской Федерации. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.

Тверской ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Министерства печати и информации Российской Федерации. 170040, Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

Савенков А. А.

С12 Опальный отрок: Повесть о недолгой жизни царевича Димитрия/Художн. Н. Бочарова.— М.: Дет. лит., 1993.— 62 с.: ил.

ISBN 5—08—003215—4

Хорошо продуманный сюжет рассматривает одну из версий о причинах смерти царевича Димитрия. В живой, достоверной форме автор раскрывает внутренний мир героев, воссоздает реалии конца XVI века.

С $\frac{4803010201—244}{M101(03)-93}$ 196—92

ББК 84Р1

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА